

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

**СЛУЖЕБНЫЙ
РАЗБОЙ**

Оборотни в законе

Кирилл Казанцев

Служебный разбой (сборник)

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Служебный разбой (сборник) / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Оборотни в законе)

ISBN 978-5-699-47624-4

Капитан ФСБ Юрий Волкашин предложил своим друзьям «кинуть» областную ОПГ на чемодан денег. Решили устроить налет на «братков» в тот момент, когда те будут перевозить общаковую наличность. Дело выгорело, и каждый из налетчиков получил по сто пятьдесят тысяч баксов. Затем друзья разъехались в разные стороны – кто в Питер, кто в Москву, кто на Дальний Восток. Деньги всем пошли впрок – друзья сумели на них подняться и разбогатеть. А шесть лет спустя кто-то стал обирать их до нитки и по одному убивать...

ISBN 978-5-699-47624-4

© Казанцев К., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Служебный разбой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кирилл Казанцев

Служебный разбой

Служебный разбой *Повесть*

Иван Анатольевич взялся писать поэму «О князе Иване и татарском хане». Написано было уже сорок процентов произведения. В поэме Русь изнемогала под тяжким татаро-монгольским игом, а богатырь Иван в таежном поместье жил в свое удовольствие и нисколько не печалился об ужасной судьбе Родины:

А Иван ест, пьет,
Девок в сласть...т.
Дела нет до Руси ему,
Подлецу...

Все бы хорошо – поэму заранее одобрили в радиокомитете Федерального округа, известный киноактер Леонид Фатальный согласился читать поэму в живом эфире, но все уперлось в слово «...т», которое Иван Анатольевич наотрез отказался заменять на более литературное.

Больше всех кричал и возмущался директор радиокompании Роштейн:

– Какого?.. Как я могу пропустить в эфир эту... я не знаю, как сказать прилично...

– Не надо прилично, – парировал Иван Анатольевич. – Надо говорить прямо: «...т»!

– ...!!! Иван Анатольевич! Это матерщина... Это бл...й...т!

– Девки и есть бл...и. Раньше так называли девок гулящих.

– Стоп. Сегодня девять часов восемь минут утра. Я вас уважаю как известного поэта, Иван Анатольевич, но давайте не будем, – Роштейн утомленно отмахнулся, словно отгонял муху.

Он полночи после мальчишника охаживал двух азиаток на три вида за пять тысяч рублей в час и теперь был не в состоянии говорить на тему интима вообще. К тому же больно ныли две ссадины на члене, оставленные одной из улыбчивых шалуний, и к тихой боли примешивались грешные мысли о возможном заражении веселой болезнью. «Вот тогда будет очень весело!» – думал Роштейн.

– Все же я не вижу особого криминала, если крепкое народное слово прозвучит в радиоэфире, – доверительно воззрился на усталого директора Иван Анатольевич.

– Проконсультируйтесь с Фатальным, Иван Анатольевич, он сейчас в студии. Ему читать... Интересно узнать его мнение.

Это была явная отмазка, но делать было нечего, Иван Анатольевич пошел «консультироваться».

Фатальный, в свитере, пил крепкий чай в обществе звукооператоров. Выслушав вопрос, задумался...

– Нет, Иван, так прямо я не скажу в микрофон «...т». Я могу прочесть типа «Пошел на хрен!». Но сказать «...т»...

– Что вы боитесь русских слов? Любую бабу спроси, что с ней мужик делает, она без обиняков скажет: «...т», а вы нюни распустили. Мне что, написать: «И занимался любовью с девушками, не помышляя о громадном горе в поверженной стране?» Да он пьяная скотина – он пьет, жрет копченную свинину и...т бл...й дворовых!

Совершенно разозленный, в половине десятого утра Иван Анатольевич Контенко, в прошлом лауреат госпремий и обладатель литературных грамот, выехал на такси домой – в пригородный дачный поселок Огурцово, где у его сына Артемки был элитный коттедж на три уровня. Артем Контенко был вялым молодым человеком тридцати четырех лет. «Голубь драный», – ругался в сердцах Контенко-старший на сына, когда перебирал коньяка, нисколько не стесняясь посторонних слушателей...

С этого, собственно, и началась злосчастная история, волею судеб в которую оказались вовлечены многие люди, и большинство из них прервали в ходе нее свой жизненный путь отнюдь не по своей воле (царство им небесное).

* * *

Журналист Сергей Бянка по прозвищу Серафим искал американского миссионера отца Боуна. Ему указали шестую школу.

Из актового зала далеко вокруг по тихим коридорам разносилось бодрое пение послушников:

– Аллилуя-я-я! Ал-ли-луя-я! Али-лу-у-я-я!

Серафим бодро вошел в зал. Тут и там шептались старшеклассники, видимо, согнанные в зал принудительно. На сцене, взявшись за руки, молодые люди, пританцовывая, тянули: «Ал-ли-луя-я!» Рядом играл на электроинструментах ансамбль.

Серафим удивленно огляделся – проповедовать в школах строго-настрого запрещено, а тут – так, в открытую. Он увидел знакомого из «Федеральной газеты» Генриха Борзова. Тот сидел в первом ряду. Заметив Сергея, он замахал рукой.

Серафим подсел на свободное кресло.

– Борзов, что за бедлам?

– Спасают молодое поколение. Видишь плакат: «Отец Боун против наркомании и гомосексуализма».

– Не понял!

– Молодые люди, принимая наркотики, теряют волю, и их вовлекают в тяжкий грех содомии... Боун говорил убедительно.

– И где он?

– Уже ушел. Сейчас эти допоют, и конец выступлению.

На сцене началось завершающее действие – по-прежнему, пританцовывая и держась за руки, послушники, под хохот тинейджеров, задорно запели о грехе содомии:

Раз, два, три, четыре, пять!

Знает каждый кроха.

Раз, два, три, четыре, пять!

Анус – это плохо!

Фу, ужасно плохо!

Сергей невольно хрюкнул.

– Клоунада какая-то.

– Это еще что! Ты с самим отцом пообщайся. Кстати, зачем он тебе?

– Редакционное задание. Борьба с наркотиками и развращенностью в молодежной среде.

– Это сейчас актуально.

* * *

Редактор Калашников в окружении редакционных бездельников, стянувших в предвкушении развлечения в его кабинет, рассматривал документы прикомандированного к редакции стажера из журфака. Стажер как стажер – высокий, худощавый, короткие кучеряшки волос, губищи. Но негр. Черный и настоящий. И это ничего – в Питере к африканцам давно привыкли, еще со времен Петра Первого, но звали негра не совсем благозвучно.

Со вздохом сложив вчетверо направление, Калашников спросил:

– Так как тебя зовут?

– Аннус.

Редакционные бездельники стали переглядываться.

Калашников снова вздохнул.

– Аннус... Видишь ли, Аннус...

Бездельники всохотнули, Калашников хлопнул ладонью по столу, прекращая веселье:

– Тихо, а то выгоню.

Снова вздохнув, он воззрился на стажера:

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Аннус. Аннус Джонс. Родился в Ботсване. Буду газетный репортера.

– Это я понял из твоих бумажек. Это все ладно. Видишь, какое дело, твое имя не совсем приемлемо для русского языка. Тебе твои сокурсники намеки не делали?

– Меня звали Ан, – моргая ресницами, сказал стажер. – Я всем говорил – Ан Джонс.

– Это другое дело, Ан.

– «Ан-24», – подсказал один из пишущей братии, сидящей на стульях вокруг стола и пускающей сигаретный дым.

Стажер стоял, переминаясь.

– Да, – согласился Калашников. – Ан, конечно, хорошо, но ты же не самолет, – Калашников посмеялся своей не смешной шутке. – Давай, мы тебя будем звать, – ну, между собой, – Анисим. Аннус – Ан – Анисим. А? Хорошее имя?

– Хорошее, – покорно согласился стажер. – Аннус – плохо, Анисим – хорошо.

– Правильно! – обрадовался редактор, а новонареченный Анисим обнажил в улыбке белоснежные зубы, чем совершенно покорила Калашникова.

– Да, – Калашников обзрел своих редакционных архаров. – К кому его прикрепим?

Архары заскучили – возиться с молодым стажером никому не улыбалось. Стажеры вечно лезут не в свое дело, надоедают вопросами и, вообще, мешают спокойной размеренной жизни.

– Отдайте его Серафиму, – хмыкнул Воскутков. – Анисим и Серафим – благозвучное сочетание получается.

Все гадливо заулыбались, в том числе и Калашников – редакция уже второй год обсуждала на все лады негласную войну между штатным репортером газеты Сергеем Бянко и заместителем главного редактора Владимиром Ивановичем Воскутковым.

– Хорошо, пусть будет так, – подытожил Калашников. Посмотрев на стажера, сказал: – Кадровик тебя оформит с сегодняшнего дня, пока походи, осмотришься; скоро появится Бянко, будешь выполнять его задания, постигать науку журналистики на практике!

Как раз в это время в редакционный зал пришел Сергей. Он бухнул сумку на свой чистый стол, устало сел в маленький катающийся стульчик с гнутой спинкой и незряче уставился перед собой. Писать про отца Боуна и его придурков было в напруг.

К нему весело подсказал Фруев – сорокалетний мужичок с длинными волосами, неопрятный и пахнущий чесноком. Его все терпели через силу, но Фруев был отменный писака, и Калашников не помышлял о расставании с этим бомжеподобным товарищем.

– Хочешь, обрадую? – спросил Фруев.

– Ну?

– Тебе подкинули стажера.

– А-а.

– Знаешь, как зовут?

– Как?

– Аннус.

– Слушай, Фруев, твои плоские шутки уже вот где. Мне эти анусы сегодня за день без тебя надоели во как!

– Честно про стажера говорю.

Сергей вздохнул, уселся в рабочее положение, потянул на себя ящик стола – надо писать, черт бы побрал, про этого Боуна и его борьбу с пороками молодежи.

– Знаешь, кто тебе стажера всучил? – Фруев, нагло усевшись на край стола, не собиравшись уходить. – Твой друг – Кунни.

– Тварь.

– Что?

– Тварь он, вот что, Кунни этот. У меня и так ни хрена не ладится, еще со стажером возись.

Сергей достал из ящика стола потертый, выдавший виды редакционный ноутбук, болезненно щурясь, воззрился в засветившийся зеленым экран. Хотя, чего ждать от Воскуткова, кроме гадостей – вражде и негласной войне между ним и Воскутковым причиной был сам Сергей.

Бяню учился на журфаке, а доцент Воскутков заведовал кафедрой в этом же университете, и все было хорошо – никто никому не мешал. Но однажды некая восемнадцатилетняя особа, поступившая на первый курс журфака и получившая полную свободу от родительской опеки (родители остались в далекой карельской деревне), возжелала всяческого порока и быстрого грехопадения. Родители снимали для юной студентки комнату в трехкомнатной квартире, где жили бухари, и Юля (так звали первокурсницу) дала в газету объявление: «Девушка 18/180/72 ищет любовника для сеансов куннилингуса. Комната есть». Бывалый павиан Воскутков, наткнувшись на такое заманчивое объявление, шанса своего не упустил – он отправил письмо до востребования, и вскоре встреча состоялась. Воскутков неприятно поразился, узнав в любительнице куннилингуса свою студентку. Но делать нечего – девушка была аппетитная, а Воскуткова терзали бесы низменных желаний. Дело, к обоюдному удовольствию, прошло как нельзя лучше. Воскутков сделал требуемое, а Юлька отдалась бурно и страстно. Всю ночь дома, в супружеской постели, рядом с посапывающей супругой, Воскутков радостно и нервно вспоминал недавние подвиги. Днем Воскутков продолжал радоваться, как ребенок, – здорово ему повезло с этой Юлькой. В дальнейшем ему не составит труда склонить ее к новым и новым «сеансам», благо она всегда рядом – на вверенном ему факультете.

Но Юлька была трепло. Обычно девки, если даже много и со всеми подряд, помалкивали о своих подвигах, но Юлька разнесла всем. Закатывая глаза, она томно говорила: «Владимир Иванович делал мне умопомрачительный куннилингус. Это что-то!» День, два – весь университет только и говорил, что об умении Воскуткова здорово работать языком. Студенты толкали друг друга локтями и говорили, указывая на проходившего мимо Воскуткова: «Смотри, смотри, Куннилингус идет!» После прозвище сократили до дипломатично звучащего Кунни, но все-то знали полный титул доцента.

В уважаемом всеми вузе такого скандала потерпеть не могли – Юльку отчислили, а Воскуткова попросили «по собственному желанию».

Воскутков лихо устроился в газету к Калашникову и сразу из-за своего крутого резюме (доцент, светило журналистики), получил должность заместителя редактора. Жить бы ему тут

и радоваться, да судьба послала в эту газету окончившего курс Сергея Бянка. Его рекомендовал друг отца – шишка из Ленсовета, потому Сергею сразу дали штатную должность репортера, стол и прозвище Серафим. А Бянка рассказал оболтусам-репортерам об истинной сущности нового зама. Воскутков с ужасом понял, что и здесь он отныне будет проходить под кличкой «Вовка Куннилингус, он же Кунни», и всем новым людям редакционные бездельники будут рассказывать его греховную историю.

Сергей усмехнулся, отщелкав на клавиатуре: «Отец Боун», – есть за что Воскуткову ненавидеть его, болтливого Серафима. Ну и хрен с ним, с Кунни, он ему за стажера не спустит, отомстит в удобный момент. А вообще, Юлька была барышня спелая! Ей бы Сергей сам с удовольствием сделал куннилингус.

Через плечо в экран ноутбука заглянул Калашников.

– Пишешь про отца?

– Юрий Палыч, – сбросил оцепенение Сергей. – Начал писать. Говорил с ним сегодня. Мутный он тип.

– Что ж теперь, время сейчас такое, все мы мутные, кристально чистых не сыскать. С Боуном ладно, есть другое задание, более срочное. Надо взять интервью у поэта Контенко – на его сына десять минут назад совершено покушение. Я Любку Головину отправил в больницу – разузнать, жив он или уже того... Поговори со стариком. А мы завтра с утра шарахнем с первой полосы: «Это политическое убийство! – говорит о гибели своего сына известный поэт Иван Контенко». А?

– Еще неизвестно, может, он не умрет.

– К утру будет видно, но статья должна быть готова. Поезжай к поэту. И возьми стажера. Он здесь где-то. Анисим. Ан! Эй, Фруев, негритенок не ушел?

– В туалете он.

– Уяснил, Сережа? Бери стажера, и дуйте к Контенко. Я звонил ему, он в загородном доме, вас примет. Про сына он еще ничего не знает – я не стал его вводить в курс дела, а то он в больницу уедет, к сынку...

– Наверное, из больницы ему уже сообщили.

– Нет, он после нашего разговора собирался идти гулять. Он мне сказал, мол, уже одетый, выходит в лес, пройтись, через час-полтора вернется. – Калашников сжал кулак, поднес к лицу Сергея: – Чтобы взял интервью у старика! – и быстро скрылся в своем кабинете.

Бянка зло отстукал на клавиатуре: «враг гомосексуалистов». Получилось: «Отец Боун – враг гомосексуалистов». Хмыкнув, Сергей захлопнул ноутбук. Конечно, это – шутка, и он эту фразу потом сотрет. С такими «отцами» и всякими «меньшинствами» требовалось вести себя тактично, иначе останешься кругом виноватым, с костями схрумкают.

Фруев подвел к Бянке застенчивого стажера. Да, только с сыном Африки ему и не хватало для полного счастья по городу ходить. Сергей без энтузиазма протянул стажеру руку для пожатия.

– Сергей Бянка. Серафим.

– Анисим, – белозубо отозвался стажер, расплываясь в подкупающей улыбке.

– Фруев сказал, тебя зовут Анус.

– Можно Анус.

– Добрый ты. Знаешь, что главный велел? Нам с тобой ехать к поэту Контенко. Возьмем у него интервью. Ты на машине?

– Нет. У меня нет машина.

Сергей выгрузил из своей сумки блокноты с заготовками интервью и статьи об отце Боуне, с подозрением посмотрел на Фруева – у того была дурная привычка рыться в чужих бумагах, – но прятать материалы в стол не стал: хочет, пусть читает эту лабуду. Обняв стажера за плечо, Бянка увлек его к выходу.

– Я в фильмах всегда видел: приходит стажер – и уже на личной машине, круто упакованный, с ай-подом. Есть ай-под?

– Нет.

– Мобильник-то у тебя есть?

– Нет.

– И у меня нет. Нищие какие-то мы с тобой. А почему у тебя нет ни машины, ни мобильного?

Стажер, виновато улыбаясь, пожал плечами. Сергей нахмурился.

– Ты что, не торгуешь наркотиками?

– Нет.

– Твои земляки все торгуют.

– Я не торгую.

– Ха-ха-ха. Я шучу. Юмор это. Пойдем. Что надулся? Не понял юмора?

Когда Сергей покинул редакционный зал, из-за лакированной двери кабинета выглянул взъерошенный Калашников.

– Бяню ушел?

– Ушел.

– Что же делать? Совсем не подумал. Мне в вечерний блок край надо вогнать его статью об отце Боуне.

– Он материалы про Боуна на столе оставил, – отозвался Фруев.

– Фруев, друг, обработай их.

– Серега не обидится?

– За это не волнуйся.

Через полчаса Фруев принес Калашникову на подпись готовую статью. Редактор подписал ее не глядя.

Когда статья попала на стол зама Воскуткова, тот обалдел:

– Фруев, ты с ума сошел?

– А что?

– Заголовок: «Отец Боун – враг гомосексуалистов».

– Бяню сам этот заголовок придумал, я только обработал материал.

– Так это Бяню... Тогда другое дело. Фруев, надо твою подпись убрать.

– Пятьдесят процентов статьи – моя работа.

– Я тебе дам пятьдесят рублей за твои пятьдесят процентов. Вот, возьми, а всю славу оставим Серафиму.

Оставшись один в кабинете, Воскутков самодовольно потер руки – суперскандальное название статьи принесет врагу Серафиму порядочные неприятности...

* * *

В дачный поселок, где был коттедж Контенко, добирались на автобусе. Стажер, озябнув, жался к холодному запотевшему окну, постоянно поддергивал поднятый воротник кожаной куртки, дул пухлые губы. Сергею было не холодно. Он задирает стажера двусмысленными шутками и вопросами, от которых Анисим терялся.

– Ты заставляешь меня краснеть.

– Ты можешь краснеть?

Анисим шутке Сергея не засмеялся. Пришлось пояснить.

– В анекдоте так говорили крокодилу: «Как ты можешь краснеть, если ты зеленый?»

– Он был зеленый или черный?

– Он был зеленый. По жизни. В «Гринписе» состоял.

- А-а.
- Что, а? Ты же ни черта не понял из моих слов, – Сергей стал заводиться от невосприимчивости стажера к игре слов в русской речи. – Ты почему на журналиста в России учился?
- Русский литература очень классный.
- Английский литература тоже классный.
- Я не знаю английский язык.
- О-о, впервые вижу африканца, который не знает английского, но знает русский. На родине ты как изъяснялся? У вас там официальный язык – английский.
- Официальный, да, но не все знают официальный язык, все говорил на родной речь.
- Откуда ты знаешь русский язык?
- Папа учился здесь, в Петербурге. Тогда город назывался Ленинград. Знаешь это?
- Ха-ха-ха. Я это знаю – сто процентов. Я это помню. Я восемьдесят процентов своей жизни прожил в Ленинграде.
- Ага.
- Анисим, ну какой ты Анисим? Ты – Аннус. Это твое реальное имя – по жизни.
- Зови меня Ан. Меня все звали Ан.
- Почему?
- Аннус – слишком длинно.
- Слушай, Ан, у тебя мама – русская?
- Зачем русская? Такая же, как папа, – негр.
- Ты мне нравишься, Ан. Давай обсудим ход предстоящего интервью. Я буду спрашивать поэта, ты – следить, чтобы диктофон работал.
- Можно, я задам некоторый вопрос ему?
- Ты знаешь, кто такой Контенко?
- Нет.
- Что же ты спросишь?
- Спросить я знаю, я журналист.
- Не спрашивай только: голубой ли он?
- Он голубой?
- Сергей радостно заржал – Анисим был, как неразумный ребенок.
- Он убьет тебя. У него сын – голубой.
- Гей?
- Ну, это ваши зарубежные штучки – гей. По-русски их зовут – гомосеками. Ну, а когда мужики выпьют или злятся – пидорами, а когда в тюрьме сидят – петухами.
- Петух – это куриный самец?
- Аннус, не пиши статьи на русском языке!
- Коттедж в глубине огороженного забором леса не произвел на Сергея впечатления – жилище середнячка. Старик Контенко уже был в доме и не выказывал беспокойства, из чего следовало, что он еще не знал о несчастье с сыном.
- Здравствуйте, Иван Анатольевич.
- Проходите, молодые люди. Ага! Агентство Молодая Африка.
- Нет. Мы работаем в одной газета, – заявил Аннус.
- Вопросов нет, но прошу показать ваши удостоверения. Для порядка.
- Сергей протянул Контенко удостоверение сотрудника редакции.
- Мой удостоверения нет. Забыл, – нагло солгал Анисим – у него не могло быть никакого удостоверения.
- Хватит и одного. Да, все верно. Я говорил по телефону с вашим редактором насчет интервью. Проходите в гостиную. Что вас интересует? Думаю, моя скандальная поэма. Сейчас

о ней много говорят. Ха-ха-ха. Поэма еще не закончена, а наделала много шума. Скандал, друзья мои, – сильнейшая реклама.

Контенко опустился в одно из мягких кресел, обвел рукой гостиную, видимо, таким образом предлагая присаживаться. Сергей и Анисим покорно заняли места на диване. Анисим включил диктофон. Контенко заулыбался, ожидая вопросов.

Сергей поднял глаза к потолку. Как бы быстро свести разговор к сыну поэта. Не хотелось мусолить творческие планы и прочую стихотворную чепуху.

– Скажите мне! – первым прервал тишину Аннус.

– Да, – Контенко изобразил внимание.

– Почему вас зажимают?

– Кто-о?

– Вы говорили о свой новый поэма и сказалъ...

– Вы про «Князя Ивана»? Да, вы правы, меня зажимают невежды, те, кто боится исконного народного русского языка. А я пишу стихи народным языком.

– Как Пушкин?

– Вы знаете Пушкина?

– Он был африканец, – засветил белозубую улыбку Аннус.

Контенко рассмеялся. Сергей гневно зыркнул на стажера и тут же вставил наводящий на главную тему вопрос:

– Может, ваше творчество не находит выхода к аудитории из-за политических игр? Ваш сын...

– А что мой сын?! – напрягся Контенко.

– Ну-у, он скандальная личность. Его дружба с бандюганом Мулатовым...

– Не знаю, из каких источников вы получили информацию о Мулатове. Они были друзьями, далее я в их отношения не лез, что и как, но когда Мулатова убили, Артем очень переживал. Как человек, он не мог оставаться безучастным к смерти друга... А убили Мулатова позавчера, прямо на улице.

Сергей сидел, обалдело глядя перед собой. Вот так новость – убили Мулатова, одного из знаменитейших районных бандитов, а Сергей узнает об этом только через день, и никто в редакции об этом не обмолвился? Не газета, а кусок навоза – такую информацию пропустили... А он-то рассчитывал обработать ответы Контенко и подать в статье покушение на сына поэта как подкоп под бандита Мулатова. Бандита только вперед убили.

Тут Сергея обожгла догадка – сын Контенко мог быть случайным свидетелем убийства Мулатова. Вот это тема! Можно крутую статью накатать! Это да! Его статью перепечатают более крупные газеты... Нет, надо сразу, через голову редактора Калашникова, кинуть статью в какую-нибудь супергазету... В ту же «Федеральную» – там любят разоблачительные статьи печатать, а у Сергея в «Федеральной» полно знакомых.

Вихрь мыслей пронесся в голове за доли секунды. Сергей уже открыл рот, чтобы более ласковым вопросом усыпить бдительность поэта, а потом задать еще один вопрос о сыне, но тут зазвонил телефон.

Все вздрогнули. Контенко и Аннус – от неожиданности, а Сергей – от догадки – звонят из больницы и сейчас интервью прервется.

– Извините, – поэт поднялся из кресла, пошел элегантной походкой в другой конец зала.

Интересно, умер уже его сын в больнице или еще жив? На стажера Сергей бросил суровый взгляд (на всякий случай).

– Да... да...

Контенко стоял спиной к журналистам. Сергей не мог видеть выражения его лица. Секунды тянулись... Что говорили старику?

– Спасибо. Еду.

Опустив трубку на рычаги, Контенко, не оборачиваясь, вышел из зала. Сергей, неожиданно для себя, вскочил и побежал за ним. Он опишет в своей статье первую реакцию известного поэта на столь роковое известие – покушение на сына. Надо было видеть его лицо.

Вылетев в коридор, Сергей наткнулся на крупнотелую глыбу Контенко. Тот стоял и смотрел перед собой. Конечно, он был потрясен.

– Иван Анатольевич, что-то стряслось?

Контенко незряче упер свой взгляд в лицо Бяню.

– Вы знали о моем сыне?

– Ничего, – с готовностью солгал Сергей. – Что с ним?

Контенко расслабился.

– Несчастье. Он в больнице. Автокатастрофа. Ничего конкретного мне не сказали. Но он жив!

– Вы туда?

– Да. Немедленно. Посему, прошу прощения, интервью отменяется.

– Я поеду с вами.

– Зачем?

– Я журналист!

– Молодой человек, надо быть не просто журналистом, нужна еще элементарная порядочность.

Они оба вернулись в зал. Анисим подозрительно быстро отошел от шкафов с книгами и сувенирными статуэтками.

– Будем говорить дальше? – преувеличенно бодро спросил он, потянувшись к лежащему на диване диктофону.

– Нет. Мы уходим, – сказал Бяню.

От коттеджа Контенко Сергей и Анисим шли молча. Недалеко от автобусной остановки их обогнал «Фольксваген» новой модели – Контенко, лично восседая за рулем, помчался в больницу.

Да, сын старика был не просто другом Мулатова. Неспроста кричал пьяный поэт в радиокomitee о «другой» ориентации сына. На гонорары от поэм такой машины не купишь. Артем Контенко здорово расслаблял Мулатова пассивными ласками, раз раскрутил бандита на такую дорогую иномарку.

А кто был другом Мулатова, так это артист Навоков. Сергей лично знал Навокова и от него знал о дружбе того с Мулатовым. От него же знал и об «отношениях» Артема Контенко с бандитом.

Следовало ехать к Навокову и переговорить с ним. Как говорится, требовалось ковать железо, пока было горячо.

– Едем!

– Куда? – очнулся от своих дум Аннус.

– Есть один человек, – Сергей нетерпеливо оглядел дорогу – пассажирского транспорта не наблюдалось. Стояло одно такси у продуктового киоска, но на такси не было денег. – Человек есть, и ехать к нему надо прямо сейчас. Только не на чем.

Бяню ощущал в мозгу жгучие позывы – хотелось побыстрее все узнать и сочно расписать в статье. Он уже представлял ее: сначала интервью с отцом Артема Контенко, авторский комментарий, потом несколько фраз Навокова о Мулатове, опять авторский комментарий, потом еще чьи-нибудь слова по теме...

– Едем на такси, – сказал стажер.

– Откуда у тебя деньги?

Аннус, белозубо улыбаясь, вдруг вытащил из кармана брюк согнутые пополам доллары – полусотни и десятки.

- Нашел.
– Ты поэта обворовал?
– Не хороший шутка.
– Я всегда зло шучу. Едем!

Столковавшись с таксистом об оплате проезда валютой, помчались в город искать Навокова.

* * *

Навоков был высоким толстяком с выпученными глазами и жалобно сложенными пухлыми губами. Сергей относился к нему с презрительной иронией, но окончательно обидеть не желал – не ему, Сергею Бянку, судить: каждый живет, как может и как хочет. Скорее все-таки как может – хотим мы все жить только хорошо, а хорошо не всегда получается. Вот и Навокову, несмотря на природную холеность, стать знаменитым не удавалось. В театре его зажимали, давая мелкие второсортные роли, зато очень часто звали озвучивать мультфильмы – он очень похоже выводил своими пухлыми губами жужжание мух и жуков. Но везде платили мало.

Супруга Навокова, устав терпеть нужду, выгнала актера. Оставшись с дочерью-школьницей, она зарабатывала на хлеб с маслом фасовщицей в супермаркете, а в свободное время убирала подъезды. Дочь помогала. Муж же, артист Навоков, не нашел иного выхода, как переселиться к своей теще. Теща женщина была добрая, и, прожив с ней бок о бок в ее однокомнатной квартире месяц, артист склонил пожилую даму к плотскому греху. Расточая любимой теще интимные ласки, Навоков немного расслабился – теща зятевскую зарплату не требовала, а, наоборот, делила пенсию на двоих. Но иногда Навоков грустил.

Сергей и Анисим как раз застали артиста в секунду грусти – он стоял в больших наушниках перед микрофоном, готовясь озвучивать очередную мультфильмовскую роль, и грустил. Навоков был отделен от коридора, где стояли Сергей и Анисим, прозрачной стеной из плексигласа. На двери студии красовалась табличка: «Не шуметь! Не входить!»

- Внимание! Начали! – откуда-то из пустоты прогремел голос звукорежиссера.

На экране возник нарисованный компьютерной графикой толстый, похожий на чловека, навозный жук. Жук летел.

Навоков напрягся и зажужжал, шевеля губами:

- Ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж... Ж-ж-ж-ж... Ж-ж-ж.

Жук лихо приземлился перед смешной и маленькой козявкой.

- Стоп! – вскрикнул из темноты звукорежиссер. – Записано. Спасибо.

Навоков снял наушники и расслабился. Только тут он увидел сквозь стену Сергея с его африканским напарником и заулыбался. Отирая потное лицо платком, артист вышел в коридор.

- Сережа, здравствуй.

- Здравствуй, Навоков. Жука озвучиваешь?

- Жука.

- Много нажужжал?

- Рублей триста сегодня нажужжал.

- Что-то мало. Ты губами интенсивней шевели. Интенсивней!

- Шутишь все.

- Какие могут быть шутки! Ну, води в буфет... Что заскучал? Платить буду я, хоть ты мне и должен пятьдесят рублей.

- Мог бы забыть про пятьдесят рублей.

- Не дожدهшься. Разговор к тебе есть, а я знаю, что во время приема пищи ты говоришь охотнее.

– Это точно.

– Знакомься – это Анисим, мой стажер.

Навоков с благосклонным видом пожал руку Анисима. Предстоящее угощение настроило артиста на доброжелательный лад, он выпер вперед большой круглый живот и запустил руки в карманы цветной жилетки.

– Не жадный ты до денег, Сережа.

– Не жадный, потому такой же нищий, как ты. А у тебя будь деньги, я уверен, ты бы их зажал. Долг ведь мне не вернешь никогда.

Навоков, скромничая, прихрюкнул.

– Сам это знаешь. Мог бы уже успокоиться и не вспоминать о долге.

– Нет. Денег не верну, так хоть удовольствие поимею, унижая за эту пятидесятку.

Навоков пожал плечами, мол, как знаешь.

В буфете мультстудии уселись вокруг круглого столика. Тощий высокий буфетчик, он же официант и уборщик со столов (артисты и мультхудожники имели грех живописно свинячить), не спрашивая, принес тарелку с колбасной нарезкой и хлеб.

– Кофе или спиртное? – спросил он, водрузив в центре столика закуску.

Сергей кивнул Навокову. Тот жадно слотнул. Ага, нужда артиста здорово прижала – изголодался по алкоголю. Сергей закатил глаза.

– Понял, – оживился буфетчик. – По двести граммов коньяку каждому.

– Икру дайте, – подал голос Анисим.

– Только красная, – сказал буфетчик.

Навоков убрал с лица благодушное выражение.

– Сдается мне, вы при деньгах.

– Не надо намеков, Навоков, в долг не получишь. У тебя плохой кредитный рейтинг. Но... – Бянок мотнул головой Анисиму, тот достал из кармана десятидолларовую бумажку, – ответишь на вопросы – баксы твои.

– Согласен.

Буфетчик принес три стопки, графин с коньяком, бутерброды с красной икрой. Навоков торопливо наполнил стопки коричневой искристой жидкостью. Выпили.

Запихнув в рот бутерброд, Навоков откинулся на спинку стульчика, проглотил закуску, потом достал из кармана жилетки пачку дешевых сигарет и с удовольствием закурил. Пуская дым, поведал:

– Не люблю, когда на улице бабы курят. Думают, что это красиво, а у меня ассоциации возникают с продажными женщинами... Еще не люблю, когда девки наравне с мужиками хлещут.

Сергей снова наполнил стопки.

– Еще по одной. Для куражу.

Выпили. Артист, отведя руку с сигаретой в сторону, проглотил еще один бутерброд с икрой.

– Торопишься жить, Навоков, – прокомментировал Сергей. – Ладно, долой лирику. Расскажи, Паша, о Мулатове.

– О Мулатове? Зачем тебе?

– Мулатова убили позавчера. А сегодня покушались на Артема Контенко, сына поэта Контенко. Думаю, он уже умер. Артем был гомиком и «дружил» с Мулатовым. Есть мысль – Артема замочили, потому что он знал, кто «сделал» Мулатова.

– Ты сыщик?

– Я журналист, носитель правды.

– Я не убивал Мулатова.

– Верю. Но ты был его приятелем. Пил с ним на халяву. На рыбалку ездил.

- Что я могу рассказать?
- То, что меня может заинтересовать.

Навоков задумался, докурил сигарету. Потушив в блюдце с остатками бутербродов окурок, медленно сказал:

– У Мулатова был друг – земляк (Мулатов ведь из Лесорецка), они даже вроде из одного двора, учились в одной школе. Маранков...

- Фамилия знакомая.
- Он здесь в Питере йогуртами торговал. Помнишь рекламу – йогурты от Маранкова.

Сергей ощутил прилив теплой волны – кровь стукнула в виски. Маранкова убили неделю назад. Прямо посреди улицы, когда машина затормозила перед светофором, к авто подошел прохожий в куртке и надвинутой на глаза кепке и спокойно бросил в салон через открытое окно ручную гранату. Водитель, охранник и Маранков погибли мгновенно. А перед этим был скандал – у Маранкова похитили жену и требовали какие-то деньги, якобы им украденные. Темная, запутанная история.

Сергей налил всем коньяка и выпил первым.

– Мулатов после смерти Маранкова был сам не свой. Как-то в разговоре со мной он обронил фразу, мол, у него и его друзей начались неприятности, пришла ударная волна из прошлого, – Навоков поднял стопку, посмотрел сквозь коньяк на свет. – У Мулатова был здесь друг фээсбэшник... Мулатов очень надеялся на него.

- Как зовут друга?
- Не знаю.
- Еще что?
- Все.
- Ты очень помог мне, Паша.
- Доллары мои?
- Может, еще что скажешь?
- Нет. И так сказал много на десять долларов. С вами, журналистами, связываться опасно...

На улице был ветер. Покинув мультстудию, побрели к остановке.

- Что дальше? – спросил Анисим.
- Поговорим с вдовой Маранкова. Она должна знать, кто тот фээсбэшник, на которого надеялся Мулатов.

- Почему?
- Подозреваю: Мулатов и Маранков – одна шайка, раз земляки. Кого-то они кинули в свое время, а теперь их нашли и запрессовали.
- Фээсбэшник знает заказчиков?
- Анисим, старайся слова правильно выговаривать. Поясняю тебе как неразумному стажеру – да, фээсбэшник может знать заказчиков.
- Он нам скажет?
- Не думаю. Он нас на хрен пошлет.
- Зачем тогда фээсбэшник?
- Для полноты картины. Он нас пошлет, а мы вернемся и принудим его поделиться с нами правдой.
- Как?
- Не знаю.

* * *

К вдове Маранкова Сергея с Аннусом не пустили – после памятного похищения, а затем и смерти мужа, тридцатитрехлетняя Алина Маранкова жила затворницей в своем шикарном особняке. Сергей тщетно объяснял амбалам-охранникам, что он журналист и ведет журналистское расследование, что разговор с вдовой поможет ему отделить правду от вымыслов, муссируемых желтой прессой вокруг гибели известного бизнесмена.

– Ничем не могу помочь, – жуя жвачку, пророкотал одетый в отлично сшитый костюм охранник, возвышаясь над собеседником исполинской глыбой мускулов. – Алины нет дома.

– А где она?

– Она нам не докладывает.

Сергей знал, что охранники лгут. Отходя от калитки, он нарочито громко заявил:

– Я имею информацию, что убийства Маранкова и его друга Мулатова связаны между собой! Я это точно знаю!

– Иди, иди. Не ори тут, – нахмурился охранник.

Бяню заметил, как занавеска на окне второго этажа качнулась, и за тюлем очертился силуэт Алины Маранковой.

Аннус тянул журналиста прочь от особняка.

– Ты что молоть?! Тебя убить за такой слова!

Сергей дернул рукой, освобождаясь от цепкой пятерни стажера.

– Не убьют. Надо привлечь внимание.

– Пойдем, – пугливо ежился стажер.

– Аннус, какой ты журналист? Ты всего боишься!

– Я не боюсь. Я осторожный. Ум надо, – Анисим постучал себя пальцем по лбу. – Все газеты полон историй про мафию.

Вернулись в редакцию усталые, Калашников, не позволив Бяню с Анисимом выпить по стакану кофе, погнал их обратно:

– Поезжайте к Контенко!

– Мы были у него! – взвился Сергей. Паршивое настроение, ухудшившееся от неудачи у дома Алины Маранковой, проявилось в разговоре с главным редактором.

Калашников спокойно вынес свирепый взгляд Бяню, подмигнул стажеру.

– Мне Контенко звонил недавно. Его сын умер.

– И что дальше?

– Ты был у Алины Маранковой, Сережа?

– Был.

– Зачем? – Калашников растянул рот в резиновой улыбке. Эдакая принужденная улыбка папы-редактора.

– Есть связь между смертью сына поэта, смертью бандита Мулатова и смертью предпринимателя Маранкова...

– Короче, поэт желает тебя видеть... Ему Алина сообщила по телефону о твоём визите.

– Не было никакого визита. Нас к ней не пустили.

Калашников демонстративно стряхнул с ушей «лапшу».

– Расскажи вон ему... Вечером жду развернутое интервью с поэтом, завтра пустим его в тираж: «Что думает о смерти сына поэт Контенко?»

Бяню сел за свой стол, напряженно забарабанил пальцами. Ясно одно – Алина была на коротке со стариком-поэтом. Значит, она слышала фразу, которую для нее громко прокричал Сергей о связи смерти ее мужа и гибели Мулатова. Она утешала старика по телефону и сказала о словах Сергея... Сомнений не оставалось – все трое погибли по одной причине. Но какой?

Бяanko посмотрел на Анисима.

– Едем к поэту!

– Опять?! – поразился Аннус.

– Не опять, а снова. Старик сам нас зовет.

– Я не ехать, – заупрямился Анисим.

– С чего это? Передумал быть журналистом?

– Он вызывать нас из-за денег!

– Каких денег?

– Этих, – Анисим достал из кармана согнутые пополам доллары. – Там лежал на полке.

Я взял...

– Ты вправду их украл? – Сергей поразился тому, что мерзкая выходка Аннуса его совсем не возмутила; ну, украл деньги и украл – это же Анус, дитя природы, увидел деньги и взял, не задумываясь, что они чужие. Если бы Фруев украл, то да! А еще лучше, чтобы так низко пал Куннилингус; ему бы не было пощады. Сергей вздохнул: – Что же теперь делать будешь, дурень?

– Отдай их ты.

– Поэт решит, что я вор. А вор ты. Ты взял, ты и возвращай.

– Он меня в тюрьму садить!

– Не хочешь в тюрьму?

– Нет.

– Подонок ты, Анисим... Все равно, поехали к поэту. Надо с ним переговорить о смерти его сына.

Бяanko легко вскочил с низкого стульчика и стремительно пошел к выходу из редакционного зала. Аннус еле поспевал.

– Что такой подонок?

– Это я тебя так ругаю.

– Надо запомнить.

– Ты много русских ругательств знаешь?

– О-о. Много... Что же делай с деньги?

– Вернуть их нельзя. Выкинуть – глупо. Вручить нищему – еще глупее. Поедем на них на такси.

– Там много для такси.

– Хватит на несколько дней.

Такси теснились перед площадью, до которой пешком было минут десять ходу. Решили пойти дворами, чтобы сократить дорогу.

В первой же подворотне Сергей получил ослепляющий удар в лицо какой-то тряпкой. Он присел от неожиданности. Следом взвыл и Аннус – он рухнул на асфальт рядом с мусорными ящиками.

Тряся головой, Бяanko проморгался и четко увидел перед собой ствол пистолета с глушителем. Высокий мускулистый мужик в легкой куртке собирался выстрелить.

– Охренел?! – заорал Сергей, наполняясь ужасом – вот она, близкая и неожиданная смерть. За что? Кто этот подонок? Грабитель?

– Заткнись, – пророкотал верзила.

Еще мгновение, и смерть! Но, словно в замедленном кино, голова его дернулась, переламывая шею назад – прямо в рот, в зубы, верзиле вонзилась тонкая стальная водопроводная труба, словно короткое копье, пущенное могучей рукой. Секунда, и верзила рухнул на асфальт, завалившись на бок. Из рта потекла красная тягучая кровь.

Сергей испуганно ощерился. Аннус, тяжело дыша, стоял, сжимая и разжимая кулаки.

– Ты убил его!!! – заорал Сергей.

Аннуса передернуло.

– Ты желать умереть сам?!

Кряхтя, Бяню поднялся, выпрямился. Анисим деловито отер носовым платком трубу, торчащую в глотке поверженного преступника, затем попытался вырвать из цепких пальцев пистолет с глушителем, но это ему не удалось, и он тоже протер пистолет платком.

– Ты рецидивист. Ты убил человека и спокоен, – в панике, истерично взвизгивая, заговорил Сергей. Он был раздавлен навалившимся на него ужасом. Он еще не мог сообразить, что случившееся не было сном, и он находился в доле секунды от смерти.

– Дома я часто метать копье в антилоп, – пояснил Анисим, дергая Сергея за рукав. – Надо бежать, пока нас не заметил из окон здешний жилец.

Сергей покорно пошел за стажером.

– Боже мой... Ты вор и убийца. Аннус! Ты вор и убийца!

– Все твои слова. Я же говорил – за такой слова, какой ты кричал у дома вдова, убивать. И чуть не убил – меня и тебя!

Бяню мотнул головой. Все казалось неправдой, наваждением. Они просто шли через подворотни, шли по своим делам...

Анисим подвел его к одной из раскрашенных рекламными лейблами «Волг», открыл дверцу и втолкнул на заднее сиденье. Сам сел спереди.

– Куда едем? – весело осклабился шофер.

Аннус сердито свел брови.

– Прямо.

– А деньги у тебя есть, африканец?

– Есть. Много... Я не африканец.

– Ты же черный.

– Папа – шахтер. На мне угольный пыль.

– Ха-ха-ха. Молодец. Уважаю веселых людей.

* * *

Старик Контенко, совершенно спокойный, словно смерть сына была ему абсолютно безразлична, долго смотрел на Сергея.

Журналист сидел в мягком глубоком кресле напротив хозяина дома и чувствовал себя крайне неудобно. Происшествие в подворотне не могло отпустить его сознание. Тело Сергея было напряжено так, что мускулы ныли от боли, а ноги нервно подрагивали. Бяню уже ничего не хотел – ни разгромной статьи, ни правды о смертях, ни этого спокойного лица поэта.

– Послушайте, Сережа, вы правда знаете о связи всех этих страшных преступлений между собой? Вы знаете, кто стоит за ними?

Голос старика вернул журналиста к действительности.

Аннус, подозрительно затихнув, стоял перед стеллажом с книгами и листал какую-то брошюру. Решил вернуть деньги по-тихому. Убийца. А ведь он спас Сергея, этот охотник на антилоп.

– Да, это так, – хрипло произнес Бяню. Будь что будет – пусть все думают, что он в курсе страшных тайн. Поздно отступать. Даже если он откажется, его все равно грохнут. А так, блефуя своей осведомленностью, можно побороться за жизнь. – У меня есть информация. Но, Иван Анатольевич, многое надо основательно проверить, подтвердить документально. Мне нужна абсолютная правда. Когда у меня на руках будут все свидетельства, я пущу информацию в печать.

– Абсолютная правда... Она всем нужна, Сережа. – Старик вздохнул, вдруг скривился, словно от зубной боли; маска спокойствия лопнула, и перед Сергеем открылось подлинное

лицо страдающего человека. Поэт произнес, медленно подбирая слова: – Мой сын... он был... плохой... человек. Но я хочу знать, что люди, забравшие его у меня, они... на этом все у них кончится. Сережа, я звонил одному человеку – вот его визитная карточка, возьмите ее... Он встретится с вами и многое расскажет. Вы поможете мне, ему, всем нам... Происходит что-то страшное, Сережа...

* * *

Волкашин не был в родном городе семь лет. После армии пошел служить в ФСБ, сразу же был переведен в Санкт-Петербург, и с той поры его старые кореша ни сном ни духом не ведали о его существовании. И вот неожиданно появился. Всего на трое суток. Выкроил время, взял срочный отпуск за свой счет, якобы по причине недомогания, скакнул в самолет – и теперь сидел в прокуренной комнате общежития шестого комбината сборного железобетона. Здесь ютился со своей женой Алик Горохов. Уже лысоватый, с лицом, изрезанном морщинами, – тяжелый труд на формовке железобетонных плит и регулярное пьянство кого хочешь состарят раньше времени. А было Горохову всего тридцать пять. Как и Волкашину.

Юрик Волкашин считал себя неудачником – всего лишь капитан, дальнейших перспектив по службе ноль. Денег тоже ноль. Жилье не предвиделось – ютился в комнате ведомственной общаги. Про семью можно было не заикаться – какая семейная жизнь при его рабочей загрузке и бытовых условиях? Еще немного, и жизнь окончательно улетит мусорным пакетом на свалку несложившейся судьбы. Как у всех его друзей юности: Антона Мулатова, Бори Маранкова, Веньки Азарова, Олега Сысоева, Алика Горохова...

Все они выросли в одном дворе, окруженном хрущевскими пятиэтажками. Вместе пако-стили, вместе дрались с пацанами из соседних дворов. Старухи-соседки предрекали им тюремные нары и скорую гибель от финки блатаря. Только бандитов из них не получилось – покурор-лесили в семнадцать лет, после благополучно отслужили в армии и жили на гражданке честно – кто как мог. Волкашин ушел в госбезопасность. Алик Горохов (человек, в общем, ограни-ченный) мыкался по стройкам, пока не нашел пристанище в общежитии комбината ЖБИ. Олег Сысоев одно время служил в милиции, но за алчность был уволен и перебивался охранником на автостоянке; вкалывать он терпеть не мог: пусть мало платят, лишь бы балду гонять. Он днем и ночью ходил в своей камуфляжной форме с замусоленными локтями и мечтал устро-иться в пожарную часть – сутки дежуришь, трое дома.

Венька Азаров, профессиональный водила, несколько раз влетал по-глупому – то машину чужую разобьет, то груз попортит в дороге, а как устроился в автобусный парк, так вообще забыл, что такое деньги – там кормили обедами в столовой и обещаниями погасить долги. Озлобился Венька, из семьи ушел, в карты стал играть на деньги (проигрывать).

Борька Маранков на рынке печеньем торговал, но как-то неудачно. Он много чем пытался торговать: шмотьем, рыбой, видеотехникой, теперь вот печеньем; но братва местная чересчур давила поборами, да менты, да администрация рынка – всем кушать хотелось. Зарабатывал он, как нормальный рабочий на заводе, не больше. На заводе за такие деньги хлопот мало – рабо-тай да зарплату жди. А ему и по соплям частенько рэкетеры давали, и менты товар отбирали внаглую, и по поездкам он маялся с сумками, по барахолкам в чужих городах; только другой профессии он себе уже не представлял – тридцать пять лет не двадцать, заново переучиваться, перестраиваться не всякому под силу.

Антон Мулатов, как был дворовой шелупонью, ею и остался. Воровать не воровал, но постоянно отирался по пивным, обирал пьяных, курил травку, задибал в своей пятиэтажке соседских мужиков.

Волкашин долил остатки водки в стаканы, обвел взглядом своих корешей юности, ухмыльнулся:

– Другого шанса подняться у вас не будет. Утонете в дерьме.

– Погрязем, – поправил его Мулатов.

– Мы и так в дерьме, погрязли по самые уши.

– А ты самый крутой, – подколот Вениамин.

Волкашин снова ухмыльнулся.

– Лучший из худших.

Помолчали.

Все курили, осоловело глядя перед собой. Дым сигарет уходил к потолку. В маленькой комнатке было душно и смрадно. Усталые, потные мужики тоскливо перерабатывали отвердевшими мозгами предложение дружка юности, и каждый в душе вылеплял отрицательный ответ. Если бы он предложил это лет семь-восемь назад, когда в мозгах сперма бурлила, а в венах кипела кровь... А теперь...

– Повторяю снова. Областная ОПГ снимает с фирм бешеные бабки.

– Везде так, – вставил Маранков.

– Согласен, что везде, – Волкашин чокнулся своим стаканом с грудой остальных стаканов, стоявших на застеленном клеенкой столе, залпом выпил водку, похожую на бензин, долго дышал носом, пережидая, когда исчезнет вкус алкоголя в глотке. – Это бизнес. Большой бизнес. А чтобы заниматься бизнесом, надо платить. Все платят. У всех есть крыша. И у фирмачей, и у бандитов. Раз в месяц ваш известный держало города везет в Москву чемодан денег. Наше питерское управление совместно с москвичами заготовило показательную операцию.

– Альбертика возьмут? – спросил Маранков, по роду своей базарной жизни знавший поименно всех городских авторитетов.

– Да. Деньги, какие он повезет... Короче, в Москве уже решено, что этот взнос в общак конфискуют. Братва смирилась с этой потерей – надо, значит, надо. Только ваши местные еще не знают, что их отдали на «заклание».

– Мудрено говоришь.

– Мудрено не мудрено, Алик, а прилетел я к вам только потому, что еще помню, какими вы были пацанами.

– Какими? – Горохов с грустным видом поскреб лысину.

– Крутыми.

– Я и сейчас крутой. Хе-хе-хе, – пьяный Мулатов развязано рассмеялся.

Волкашин презрительно хмыкнул.

Мулатов, отсмеявшись, вдруг посмотрел трезвыми глазами.

– Нас братва предавит, как клопов.

– Жить хочется?

– Кому не хочется? Какая бы ни была – жизнь есть жизнь.

– А говоришь, что крутой. Я такой куш предлагаю... Деньги повезут завтра. Отобьем их нагло, перед зданием аэровокзала. Этого никто не ждет. По сто пятьдесят тысяч на брата. Таких денег никто из вас не заработает. И я не заработаю. Их можно только гоп-стопом взять!

Волкашин помолчал.

– Отсюда сегодня уже никто не выйдет. Завтра с утра берем деньги и, как крысы, в разные стороны.

– Нас быстро вычислят и перережут, – хрипло сказал Олег Сысоев.

– У тебя на руках будут приличные бабки! Не тупи! Купишь себе новый паспорт, заживешь новой жизнью.

Венька Азаров залпом выпил свою порцию водки, брякнул стаканом об стол, стакан чуть не раскололся.

– Пьяный базар.

– Я не шучу, Веня.

– Никто из нас в это не полезет... Явился после стольких лет... план у него... Не пошел бы ты на хрен, Юрок!

* * *

Сергей сидел в удобном массивном кресле, но чувствовал себя не в своей тарелке. Роскошное убранство элитной квартиры, обрюзгший, пресыщенный жизнью мужчина в кресле напротив, в строгом халате поверх английского костюма, испуганный Аннус на диване, амбалы-телохранители в соседней комнате – как тут не занервничаешь. Но Вениамин Сергеевич Азаров, преуспевающий в этой жизни бизнесмен, говорил тихо, движения его были плавные, словно он очень устал и не хотел себя утруждать.

– Это было шесть лет назад, шесть с половиной. Вот, прочитайте вырезку – тогда дерзкое ограбление сенсацией прокатилось по газетам.

Азаров протянул Сергею газетную вырезку: «Заезжие гастролеры ограбили местных бандитов!»

Сергей пробежал взглядом скупые строки: «поджидали у здания аэровокзала... вырвали сумки с деньгами... среди убитых – местный авторитет Альберт Бабушкин, а также известный своей жестокостью, находившийся в федеральном розыске Антон Гузеев, по кличке Гузик, и Павел Пепелов, он же Паша Пепел. Убитые принадлежали к преступной группировке центрального района города...»

– Вы убили их? – Сергей посмотрел на Азарова.

Тот ухмыльнулся.

– Не было другого выбора. Откуда у нас взялось оружие и кто стрелял в курьеров – не нужная вам информация. Тогда мы сделали это, и все. Волкашин уехал к себе в Питер, а мы все остались в городе и еще полгода вели примерное нишенское существование. Это нас и спасло – бандиты и милиция проверяли всех отъезжавших. Потом дело заглохло. Мы разъехались по России в разные стороны. В Питер к Волкашину перебрались Мулатов и Маранков. Я и Олег Сысоев уехали на Дальний Восток. Алик Горохов пытался какое-то время жить в Москве. Но сейчас мы все в Петербурге... все, кто жив.

– Погибли Маранков и Мулатов. Вы думаете, вас нашли ограбленные братки?

– Сто процентов так. Но кто конкретно открыл на нас охоту, непонятно до сих пор. А первым из нашей компании погиб Олег Сысоев. Это случилось пять месяцев назад, там, на Дальнем Востоке...

Азаров смотрел поверх головы Сергея, и взгляд его был отрешенный. Тогда, пять месяцев назад, удар из прошлого был до того невероятен, что Вениамин чуть не сошел с ума от ужаса, охватившего его, когда он, преуспевающий бизнесмен Вениамин Азаров, вошел в свой цех консервирования – и увидел подвешенный к потолочной балке труп друга. Олег висел, безвольно опустив голову. Он, почти всесильный в этой глухой провинции на берегу Охотского моря, был задушен и демонстративно повешен. На груди Олега булавкой была приколотая короткая записка: «Азар, верни деньги!» Тогда Вениамин понял, что их нашли. То, чего все они боялись долгие годы, свершилось, и первым из их знаменитой шестерки поплатился Сысой.

Вениамин подставил пустую железную бочку, влез на нее, сорвал с груди Олега записку, спрятал ее в карман и сразу набрал по сотовому номер Юрки Волкашина.

– Слушаю, – развязно отозвался Юрка – у него был сотовый с двумя сим-картами, и на одну из них могли звонить только участники шестерки.

– Юра, нас нашли.

– Не понял.

– Сысоя убили.

– Как убили? – голос Волкашина дрогнул.

- Откуда я знаю?! Вот он, висит передо мной, и записка на нем: «Верни деньги!»
- Успокойся.
- Я вызову милицию.
- Вызови и жди меня. Я прилечу первым рейсом. Пусть твоя охрана будет начеку...

Спрячься где-нибудь.

- А-а... Блин... Я знал с самого начала, что так будет!
- Не ссы, Венька! Прочеши округу! Ты там, в своей дыре, – сила.
- Не учи меня, что делать. Я сделаю все, что нужно. Приезжай, только быстрее...

Отключив телефон, Вениамин слез с бочки, бросил взгляд на тело друга, потом на лица опешивших охранников, молча стоявших в дверях ангара, оборудованного под цех закатки в банки соленой красной икры, молча пошел на улицу.

После дерзкого ограбления курьеров он и Олег, отсидевшись полгода дома, приехали сюда, на Дальний Восток, за новой жизнью – богатой и преуспевающей. У каждого в рюкзаке было по сто пятьдесят тысяч зеленых. Они сняли квартиру в Хабаровске, заплатили за постоянную прописку и зарегистрировали ООО по переработке рыбы. Вениамин считал, что их двойного капитала хватит на первую раскрутку. Свои сто пятьдесят он потратил на устройство производства – был возведен огромный ангар из профильного металла, закуплено и смонтировано бывшее в употреблении, но добротное оборудование. Олег потратил деньги на взятки всевозможным чиновникам, силовикам, разной шантрапе, сидевшей на теплых местах с правом проверки, а часть средств ушла на войну – он сбил крепкую ватагу, закупил оружие, машины и отразил все атаки многочисленных бандитских бригад Хабаровска, Приморья и Комсомольска. Хорошо организованная разведка позволяла опережать врагов и бить неожиданно. Олег был жесток. Только его жестокость, за которую он получил в крае прозвище Кровавый Сысой, да пачки долларов помогли им, приезжим мужичкам, ухватить и заглотить свой кусок жирного пирога. За пять лет икорный и рыбный бизнес принес каждому по десять миллионов долларов, не считая недвижимости, машин, всевозможного барахла и оборудования. И вот их нашли, а всесильного Кровавого Сысою удавили, как пса, для острастки остальным...

У Азарова тряслись руки от страха, и он долго не мог прикурить, промахиваясь сигаретой мимо огонька зажигалки.

- Вызови ментов. Я – в город, – сказал он своему шестерке Упырю.

Половина парней осталась в цеху; другая, тесно набившись в крупный внедорожник, во главе с Вениамином, понеслась по раздолбанной дороге в ближайший городок.

В стильном офисе Азаров уперся грудью в недоумевающую и встревоженную секретаршу. Она раскрыла кожаную папку и протянула Вениамину отпечатанные платежные поручения.

- Пришли сегодня в бухгалтерию по почте, – пролепетала секретарша.
- Что там? – сейчас Вениамину было не до бизнеса.

Платежные поручения были от его имени, получатель – фирма «Привет из Лесорецка» в далеком зарубежном офшоре. Азаров глазам своим не верил. Десять миллионов долларов! Они желали забрать все его деньги. Все, до копейки! Кровь бросилась ему в лицо. Он со стоном опустил на кожаный диван в своей приемной.

- Вам плохо, Вениамин Семенович? – просюсюкала секретарша.

Азаров поднял на нее глаза – фарфоровая куколка, только синих локонов не хватало – вылитая Мальвина, красивая и тупая. За эту кукольную красоту и стерильность Азаров любил совершать с ней изощренные соития и всегда подозревал, что она была благосклонна не только к нему и Сысою, но и ко всем телохранителям их бригады, потому презирал ее.

- Заткни-и-и-ись!!! – заорал он.

Кукла отшатнулась, как от пощечины, и, прыгнув за свой стол, затаилась у компьютера.

Бросив платежные поручения на пол, Азаров устремился прочь из приемной. Телохранители послушно жались к нему со всех сторон, мешая бежать. А он бежал – ужас разрывал на части каждую клеточку его мозга.

Приезда Волкашина Вениамин ждал в устье реки, в секретной избушке, о которой мало кому было известно. Разозленная банда Сысоева, желая мстить за погибшего шефа, перелопатила округу, выискивая чужаков, но безрезультатно. Только Азаров не верил в свою безопасность – дух смерти витал всюду. Он никогда не подозревал в себе такого сильного жизненного начала – он хотел жить. Вениамин жаждал жизни! Пусть заберут все, но только оставят его в покое! Он один из всей шайки был против ограбления братвы. И вот что получилось в итоге.

Азаров сидел в темной комнате, уткнувшись лицом в свои ладони, и беззвучно плакал.

– Раскис, как баба, – тихонько ворчали шестерки.

– Смерть чувствует.

Вениамин застонал.

– Упырь, тварь! Пошел отсюда!

* * *

– И что сказал Волкашин, когда приехал? – спросил Сергей.

Все время, пока Азаров рассказывал, он смотрел в лицо бизнесмену – ужас в глазах, в каждом мускуле, показывал, что тот до сих пор безумно боится загадочных охотников.

– Мы не сразу увиделись, – отозвался Вениамин. – Местный угро обвинил меня в организации убийства Сысоева – мол, я был самым заинтересованным лицом в его гибели, чтобы не делить прибыль пополам. Понятно, что ни записки с требованием вернуть деньги, ни планетки я ментам не показал.

Бяню закивал.

– Если не знать всего, что вы рассказали, вам смерть товарища была очень выгодна. Только не ясно, зачем убили Сысоева – ведь у него тоже было десять миллионов, и их можно было отнять.

– Их и отняли. Счета Сысоя оказались пусты. По запросу прокуратуры банк выдал информацию, что в день гибели Олега с его счетов скачали все деньги, и все они ушли в Лесорецк какой-то фиктивной фирме, которая немедленно перегнала деньги в зарубежные офшоры и тут же лопнула.

– Из рук милиции вас вызволил Волкашин?

– Да, – Азаров вздохнул. – Волкашин – страшный человек. Свои сто пятьдесят тысяч зеленых он инвестировал самым удачным образом – скупил всю чиновную мелочь во всех структурах власти Москвы и Питера. Несколько лет назад сделать это было реально. Плюс, конечно, его ресурс силовика. Теперь у него везде свои люди. Он почти всемогущ.

– Но он до сих пор не оградил вас от лесорецких.

– Если бы знать, кто они... Может, за нас взялись люди из Москвы, те, кто крышевал лесорецких... Против кого воевать? Противник неуловим, потому что неизвестен. Чем быстрее ты найдешь их, тем быстрее я лично передую гадов. – Азаров сжал кулак. В его глазах полыхнула ярость.

– Я не сыщик.

– Ты журналист. Ваш брат похлеще ищейки, всюду влезет, все пронюхает.

Сергей ожидал, что Азаров сейчас позовет одного из своих амбалов, кивнет ему, и тот бросит на журнальный столик перед Сергеем раздутый от долларов бумажник: «Трать, не жалей, но найди их!»

Если даст тысяч пять, на три штуки можно будет сразу купить поддержанную «Ладу». И мобильник. Без мобильного никак. У Сергея был бюджетный телефон от редакции, но он

его уронил по пьяному делу в унитаз. Калашников высчитал его стоимость из зарплаты и еще штраф вклеил. Бяню из принципа требовал новый телефон – ему положено по штатному расписанию, но Калашников сказал: «Не дам!», и не дал. Теперь-то Сергей купит не просто телефон, а ай-фон, и плевать ему на жадность Калашникова – счета за разговоры он его принудит оплачивать.

Замечтавшись, журналист сглотнул слюну. Остальные две штуки он потратит на дело... Нет, он дело и так сделает, на голом энтузиазме. Остаток денег он тоже потратит на себя – прибахлится и отожрется вдоволь всякими деликатесами.

Но Азаров молчал, продолжая смотреть Сергею в лицо. Кулак его то сжимался, то разжимался.

Вдруг он рванулся к Сергею, впился пальцами в его горло и, навалившись тяжелым телом, вдавил в кресло.

– У-р-ро-од! Знаешь, кто убил Мулата и Маранка, и молчишь. Высмотрень, – Азаров со всей силы ударил Сергею в лицо, ослепив, резанув шершавой болью прямо до самого мозга.

Ворвавшиеся в комнату амбалы, сдернув с дивана на пол Анисима, стали пинать бедного стажера, не разбирая куда. Тот завизжал, закрываясь руками.

– Я не знать! Не знать – ы, ы, ы, ы, ы...

Азаров продолжал месить кулаками лицо Сергея.

– Убью! Убью, гад!

...и все...

* * *

Бяню очнулся в больнице. Лицо было большое, как скафандр, а разбитые губы – еще больше. Преодолевая боль, он повернул забинтованную голову вправо – на соседней кровати, под белыми простынями, весь в белых бинтах, лежал очень худой и очень черный Анисим. Сергей улыбнулся.

– А-н-ну-у-с-с.

– Мудак. Я знать такой ругательство. Я тебя не любить.

– А-ан.

– Шит.

Белая дверь палаты отворилась, и в нее с цветами вошел улыбающийся Воскутков. Видеть его хотелось меньше всего. Радость от возвращения к реальности сразу померкла, но ушла и боль. Сергей внятно произнес:

– Что же ты цветы принес, здесь не кладбище. Больным приносят апельсины и колбасу.

– Все шутишь, Сереженька, – Владимир Иванович говорил тоненьким гадливым голоском. Опустив букет на прикроватную тумбочку, он подставил себе табуретку на винте, присел. Белый больничный халат небрежно держался на его плечах. – Я посетил тебя по поручению нашего дружного коллектива. Мы тебе все соболезнаем. И стажеру.

– Я на ноги быстро встану, со мной ничего страшного не стряслось.

– Как посмотреть... У тебя неприятности не только со здоровьем.

– А что? – Сергей насторожился.

– Придешь в редакцию – узнаешь. Калашников очень недоволен тобой. А если он недоволен, это значит, что тобой недовольны владельцы газеты.

Бяню медленно наполнялся яростью. Пришел злорадствовать. Мразь. Еще секунда, и он послал бы Кунни очень и очень далеко и назвал бы открытым текстом так, как он того заслуживал. Но в приоткрытую дверь просунулась голова какого-то лысоватого субъекта лет сорока. Субъект, недовольно сквасив губы, оглядел палату, уперся взглядом в лицо Сергея и спросил:

– Сергей Бялко?

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверь и уверенно вошел в палату, выгибая грудь.

– Майор Сатронов. Веду ваше дело. Надеюсь, вы в состоянии дать показания?

Воскутков перепугался – его лицо перекошилось. Правоохранительные органы он не любил и старался держаться подальше от их представителей. Он сразу встал, улыбнулся, и извиняясь, произнес:

– Выздоровливай, Сережа. Я пойду. Работа.

– Вы кто? – придержал его за рукав майор.

– Я сослуживец Бялко. Навестил по поручению коллег.

– Понял. Не задерживаю.

Майор обратил внимание на стажера.

– Ну что, африканец, кто вас избил? Чеченцы? Грузины? Или эти – скинхеды?

– Я не знаю. Он знает.

– Он? Ну, Бялко, рассказывайте, – майор сел на теплый стул, на котором только что ерзал задом Воскутков. – Кто вас избил?

– Не знаю, – Сергей упер взгляд в потолок. Милиции еще не хватало!

– Вы не бойтесь.

– А чего мне теперь бояться? Вон, всего разукрасили.

– Может, вам грозили, что убьют? Так всегда делают. Мол, расскажешь – убьем. А? Назовите этих негодяев, и, уверяю вас, они попадут под следствие, будем разбираться.

– Ничего я не буду говорить. Я не заявлял в милицию. Это мои личные дела.

– Верно, что не заявлял – из больницы нам позвонили. А вот из-за вашей трусости подонки и творят беспредел, потому что чувствуют безнаказанность. – Майор говорил совершенно равнодушно и даже с легкой ухмылкой, словно вид опухшего Сергея его очень забавлял, и он еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. – Зря, зря, Бялко, зря вы покрываете...

– Мое дело.

Майор хмыкнул, хлопнул себя по коленям толстыми ладонями, посмотрел на букет.

– Кто вам прислал цветы?

– Субъект, который только что вышел.

– Он правда с вашей работы?

– А что?

– Цветы... их четное число. А четное количество цветов дарят только покойникам. Или кандидатам в покойники. Может, намек?

Сергей усмехнулся разбитыми губами, и тут же почувствовал боль.

– Он меня давно не любит.

– Вы уверены, что не он организовал ваше избиение?

– Я ни в чем не уверен... Вы проработайте его, товарищ майор. – У Сергея мелькнула мстительная мысль – пусть Воскуткова менты потерзают, будет знать, как злорадствовать над избитым человеком.

– Вы напишите заявление?

– Напишу, как поправляться стану.

Майор, улыбаясь, закинул ногу на ногу, достал из кармана пачку сигарет, не считаясь с больничными запретами, закурил. Выпустив дым, сказал:

– Очень хорошо, Бялко... А вдруг этот тип ни в чем не виноват, а цветочки – ну, обсчитался...

– Может быть.

– Просто не хочется вешать на отдел очередное глухое дело.

– Спасибо за откровенность, – Сергей, почувствовав усталость, закрыл глаза. Только в себя пришел, а тут и Кунни с цветами, и Анисим отругал, и мент веселый попался.

С трудом разомкнув веки, Бялко проговорил:

- Не надо ничего, товарищ следователь. Я говорю – мои дела.
- Нужен ваш отказ от возбуждения уголовного дела.

Сергей усмехнулся. Вот ради чего он пожаловал – больница вызвала, отдел УВД обязан отреагировать, но безнадежного дела возбуждать никто не собирался. Сколько пустых слов говорил о малодушии обывательском, только утомил.

- Я напишу, когда смогу писать.
- Сейчас не сможете?
- Напишите сами, я подпишу. Я очень устал и хочу спать.
- Это не займет много времени, потерпите.

Сергей закрыл глаза – ну его. Мягкая пелена стала окутывать сознание. Зашелестели бумаги, заскрипел стержень авторучки.

Следак пытал Аннуса.

- Африканец, отказ сможешь написать? Регистрация у тебя есть?
- Меня звать Анисим.
- Мне это по барабану, хоть Иван... Что зубы скалишь? Анекдот рассказать хочешь?

... Через двенадцать дней Сергея и Аннуса выписали из больницы. Когда они вышли на улицу, то снова захотели вернуться обратно – у главного входа стоял черный джип, за рулем которого улыбался кабан Азаров, ожидавший «освобожденных». Немного успокоило Сергея отсутствие рядом с Азаровым его будоломов – на заднем сиденье джипа сидел старик Контенко. Бялко оглянулся на задумчивого Аннуса.

- Что, напарник, предстоит новый большой разговор?
- Еще раз меня избить, я жаловаться в свой посольство. Будет международный скандал.
- Азарову скажи.
- Идите сюда. Не стесняйтесь, – опустив стекло, Азаров призывно махнул рукой. – За вами приехали.

Вздыхнув – что еще будет? – Сергей покорно двинулся к джипу, влез в салон, устроился на переднем сиденье рядом с Азаровым. Аннус сел сзади. Венеамин, выжав сцепление, повел джип. Посмотрев на Сергея, усмехнулся:

- Не бойся. Больше бить не буду.
- Надеюсь.
- Негр, тебя как зовут?
- Аннус, – хрипло отозвался стажер.
- Анус? Ха-ха. Правда, что ли?

– Анисим его зовут, – сказал Сергей. Чувство томления нарастало – дернул его черт ввязаться в это дело; теперь точно, пока не отвернут голову, не оставят его в покое бандюганы. А они здесь все бандиты – журналист искоса посмотрел на веселого Азарова – зовутся только бизнесменами, а по натуре уголовники. Они и деньги добывают воровством да насилием. Этот ограбил братву, теперь боится, что ограбят его. Сергею это надо? По большому счету, нет. Никакая разгромная статья и последующая за ней слава не вернут потерянного здоровья и погибших нервных клеток. И народу правда о гибели бандита Мулатова, бизнесмена Маранкова и гомика Контенко-младшего тоже не нужна. Когда живешь в обществе воровского беспредела, разве тебя могут волновать отдельные эпизоды обычной жизни? Все равно что проводить расследование в африканском болоте: кто порвал крокодила? Вокруг одни крокодилы, и они ежедневно и еженочно рвут друг друга. Это никому не интересно.

– Здравствуй, Сережа, – подал сзади голос старик Контенко. Теперь он обращался к Сергею на «ты».

– Извините, Иван Анатольевич, что не поздоровался с вами сразу... Увидел вот вашего товарища, забыл обо всем...

– Ха-ха-ха! – самодовольно заржал Азаров, подмигнул. – Не ссы, раньше времени не умрешь.

Сергей молча смотрел на дорогу.

– Я все обдумал, – продолжал говорить Азаров, управляя машиной. Джип вынесся из больничной ограды и борзым носорогом влетел на дорогу – легковушки испуганно уступали место. Азаров, похахатывая, показывал недовольным водителям палец. Оглядываясь в возбужденном оскале, продолжил: – Ты будешь работать на меня, Бяню. Выяснишь правду, и я их передавлю, словно клопов. А чтобы ты поверил, что я говорю серьезно, – Азаров запустил руку запазуху, извлек тугой бумажник, кинул его на колени Сергея. – Трать, не мелочись. Тут десять штук баксов. Мне нужен результат, и как можно быстрее. Моя жизнь зависит от сведений, которые ты добудешь.

– Помоги нам, Сережа, – произнес Контенко.

Сергей взял бумажник – тяжелый. Десять тысяч долларов, в два раза больше той суммы, о которой он мечтал с вождением две недели назад. Бяню усмехнулся. Машина, сотовый телефон, тряпки. Как он тогда возбудился при мысли обо всем этом. Теперь ничего этого покупать не хотелось. Не хотелось вообще ничего...

* * *

Сергей сидел за рулем своей «десятки». Машине было четыре года, но она выглядела так, словно недавно сошла с конвейера. Первый хозяин был художник-аккуратист. Ничего, долго такой новой она не останется, с работой Сергея это нереально.

Бяню ухмыльнулся, погладил рукой кожаную оплетку рулевого колеса, перевел взгляд на панель приборов. Из кармана куртки раздалась слабая трель ай-фона.

– Слушаю.

Звонил Анисим. Сергей и ему купил мобильник – пошел на расходы. Сейчас стажер сидел в «засаде» рядом с газетным киоском недалеко от охраняемого подъезда роскошного особняка, в котором держали квартиры крутые средней руки. Адресок он получил от Азарова. Вообще, после памятного разговора в машине, по выходе из больницы, успело произойти многое. Например, новый выпад неведомых охотников – получил порцию угроз по телефону и предложение вернуть долг Алик Горохов, еще один персонаж знаменитой шестерки. Случилось это на следующий день после разговора в машине. Сергея вытащил из постели ворвавшийся к нему в квартиру Азаров.

– Одевайся, журналист! Ты спишь, а должен искать.

Бяню было больно приходить в себя после сна – он полночи переживал и мучился, корил себя, что ввязался в грязное дело; проклятые деньги жгли душу – он спрятал их под матрас и чувствовал телом неудобный выступ.

Дерзить Азарову он не решился.

Вениамин в кожаном плаще, топча грязными туфлями палас, ходил по комнате, все трогал, брал и передвигал – очень нервничал.

– Где негр?

– В своей общаге. Что случилось?

– Иди, умойся. Завтрака не будет. Поедешь со мной – на Алика Горохова наехали.

– Убили?

– Типун тебе на язык! – Азаров, испытывая суеверный страх, дернулся и чуть не перекрестился. – Нашли его те уроды. Трясти начали. Звонили. Деньги, мол, давай.

– Он здесь, в Питере?

– Все мы теперь здесь.

Невыспавшегося Сергея повезли на квартиру Горохова. Это была расселенная коммуналка в старинном доме еще дореволюционной постройки. Квартира находилась на втором этаже. Подъезд охранялся милицией, блистал чистотой, роскошной отделкой с лепниной, а лестничные марши были застелены коврами дорожками, укрепленными к ступеням медными скобами. Стиль девятнадцатого века.

Милиционер на входе сурово спросил: «К кому?»

– Ты что, братан? – обозлился Азаров. – Я час назад здесь был.

– Кто вас ждет? Конкретно, – не унимался сержант.

– Горохов меня ждет. Третья квартира.

– Кто вы?

– Азаров.

Милиционер по домофону связался с Гороховым и, получив добро, разрешил пройти.

– Что строгий такой? – ухмыльнулся Вениамин. – На, возьми на курево. Еще!

Азаров протянул сержанту пятьсот рублей. Сергей думал, что милиционер, столь строгий, откажется от подаяния да еще пристыдит, но сержант деньги взял, сказал «Спасибо», а свою привередливость пояснил кратко:

– Действую по инструкции.

Поднимаясь по лестнице, Азаров сказал журналисту:

– Я ему час назад тоже пятьсот рублей давал, а он вишь какой... строгий. Хмырь.

Дверь квартиры Горохова была уже приоткрыта. Квартира оказалась суперроскошной. Сновали одетые в смокинги лакеи в белых перчатках и при бабочках.

– Сколько же у него денег? – поразился вслух Сергей.

– Алик больше понтует, – хмыкнул Вениамин.

Их провели в огромную гостиную, заставленную золоченой мебелью в стиле ампира, с шелковыми матерчатыми обоями и зеркальными потолками. Бросилось в глаза обилие старинных дорогих картин в тяжелых рамах.

Лакей указал на кресла.

– Садитесь. Александр Александрович сейчас выйдет.

Азаров плюхнулся всем весом – кресло жалобно скрипнуло. Сергей осторожно присел. Охранники Азарова остались стоять на входе в гостиную.

Вениамин нагнулся к Сергею:

– По моим сведениям, состояние Алика не превышает восьми миллионов баксов, считая и эти картины.

– Что требуют вымогатели?

– Все.

– Это он вам сказал?

– А кто еще? Он сам разговаривал. Поднял трубку телефона, а ему оттуда открытым текстом: «Горохов, верни деньги. Все. Продай все, что есть, и верни».

– Потом что было?

– Потом в трубке раздались короткие гудки. Алик позвонил мне, я выехал к нему немедленно.

– А ваш фээсбэшник?

– У него дела какие-то. Мобильник не отвечает. Вроде уехал в Москву... По крайней мере, мне так сказал один из его коллег, когда я пытался его найти.

– Он уехал без предупреждения?

Азаров, испытывая недовольство, поежился и, кривя лицо, ответил:

– Странно, что его номер не отзывается... ну, на который только мы звоним, когда ЧП.

– Дальше что было?

– Приехал я сюда, а Горохов мне пакет показал – принес на вахту в подъезд какой-то посыльный. Там платежные поручения на восемь миллионов долларов. Получатель – фирма в Лесорецке. Тот же трюк, что с Сысоем!

В гостиную вошел пресловутый Алик. Это был крупноголовый человек, блестящую лысину его обрамляли длинные прямые волосы. Большой нос портил и без того некрасивое лицо. А выпуклые глаза делали его похожим на старую жабу.

Следом за Аликом вошла высокая молодая женщина, красивая, с идеальной фигурой. Сергей сообразил, что она приходится пожилому Алику новой супругой, была взята замуж из модельного агентства.

Горохов, глядя в упор на Сергея, спросил у Азарова:

– Он?

– Да. Покажи ему платежные поручения.

Горохов оглянулся на жену.

– Нелли, принеси пакет.

Красивая Нелли оценивающе окинула Сергея взглядом, хмыкнула непонятно чему и вышла из гостиной. Горохов, одетый в короткий халат с атласными обшлагами, уселся в свободное кресло.

– Вас зовут Сергей? – обратился он к журналисту.

Тот привстал.

– Сергей Бялко. Журналист.

– Наслышан о вас от моего друга. Вы в курсе дела?

– Полностью.

– Тем лучше. Что скажете?

– Пока ничего не скажу.

– Что же нам делать? Мне, – Горохов кивнул на Азарова, – Вениамину Семеновичу... другим нашим друзьям. Это чистой воды вымогательство.

– Алик, он знает историю с самого начала, – сказал Азаров.

– Хорошо, но мы взяли тогда по сто пятьдесят тысяч, а сейчас с нас требуют миллионы!

– Если бы попросили сто пятьдесят кусков зелени, отдал бы? – усмехнулся Азаров.

Горохов, засопев, стал жевать губами.

Сергей про себя подумал, что и копейки эти жадные волки не вернут, им хоть сколько жалко. Они готовы только рвать, хватать. В принципе, бог поступал справедливо – вновь погрязнуть в бедности для них было наказанием похлеще смерти.

В гостиную вернулась супруга Горохова. Она шла, словно по подиуму, виляя узкими бедрами. И Сергей, и Азаров завороченно пожирали глазами ее ноги. Бялко почувствовал эрекцию. Было бы здорово опрокинуть эту смазливую бабенку на пол, раздвинуть ее ноги и насладиться ее прелестями. Судьба у красивых женщин – жить с богатыми стариками, ублажать богатых, отвратительных стариков и рожать детей от богатых стариков. А ведь ее мечта – отведать молодого, неумолимого самца с твердым членом. Сергей опустил взгляд на свои брюки – слава богу, они были широкие и скрывали боевую готовность его борца за идею.

– Кому? Тебе, пупсик? – Нелли протянула пакет, вопросительно глядя на мужа, потом обернулась к Азарову – тот не пошевелился, к Сергею. – Вам?

– Спасибо, – журналист забрал пакет из ее рук. Как же хороша эта стерва! И живет со стариком. Разве мог Горохов в его возрасте барабанить такую киску как следует? Да она почти девственница! За все время замужества в лучшем случае попробовала мужа раз десять и то минут по десять – на большее его бы не хватило. Вон какой он оплывший, с большим взглядом...

Улыбнувшись уходящей Нелли, Сергей пристально посмотрел на Горохова. В чем душа держится – а боится расстаться со своими миллионами. Упырь. Клещ. Из ста пятидесяти тысяч умудрился вылепить восемь миллионов – ясно, какими способами он приумножил состояние!

Горохов смотрел на Сергея выжидающе. Бяню пришлось улыбнуться. Он раскрыл большой конверт из желтой почтовой бумаги, вытащил оттуда пачку отпечатанных платежных поручений. Сумма указана в рублях по курсу. Номера счетов, банк в Лесорецке и фирма оттуда же. Все липа, все разовое – когда деньги придут на счет, их мгновенно разбросают по другим счетам и угонят в офшорную зону, куда-нибудь на Каймановы острова. Фирма, естественно, зарегистрирована на паспорт опустившегося обывателя. Когда к нему приедут следователи, он ответит пьяным голосом, что паспорт давно потерял и все ему по барабану. Эти платежки не давали Сергею никакой информации, но он, чтобы не сердить «клиентов», достал из внутреннего кармана джинсовой куртки цифровой фотоаппарат, все аккуратно сфотографировал с умным видом. Впихнув платежки обратно в конверт, отдал его Горохову.

– Эти сведения будут больше всего интересны вашему другу из ФСБ.

– Да, мы отдадим платежки Волкашину, может, он что-нибудь высосет из них. Через проверенных людей он уже ищет наших противников в Лесорецке. Но говорит, что эти люди, хотя сводят концы в Лесорецк, действуют отсюда, из Питера.

– Откуда он знает?

Горохов пожал плечами.

– Его разве разговоришь? Никогда ничего не объясняет толком. Сказал мне, что чувствует – кто трясет нас, тот под боком, в Петербурге.

– На Волкашина тоже наехали?

– Кто на него рискнет наехать? Он – ФСБ.

– На вас рискнули, а вы – его друзья. Значит, те люди не боятся Волкашина. Связавшись с вами, они с самого начала предполагали, что придется иметь с ним дело.

– Может, о Волкашине не знают?

– Исключено. Кто начал эту операцию, тот собрал всю информацию.

Горохов задумался.

– И что?

– Ничего. Будем искать, будем думать.

– Время, Сережа! Время! У нас его очень мало. Враги уничтожили не только Сысю, Мулатова, Маранка, они замахнулись на нас, – Азаров помолчал. – Круг сужается. Нас осталось трое. Алик, я и Волкашин. Я думал, тебе полезно будет взглянуть на платежки.

– Это пригодится, – не стал разочаровывать его Бяню. Щеки инстинктивно зачесались – вспомнились кулаки Азарова. Его лучше было не злить, тем более что Сергей потратил его деньги. Журналист переключился на Горохова. – Хочу вас спросить, Александр Александрович, откуда вымогатели узнали, что у вас есть восемь миллионов долларов?

– Есть?! – Горохов чуть не подпрыгнул в кресле. – Восемь миллионов! Да нет у меня! Если только все продать, все – может, наберется.

– Они вам сказали об этом – продай все. Выходит, они посчитали, прикинули. Вы у них, как на ладони.

Горохов впал в задумчивость.

– Может так статься, что в вашем окружении есть люди, работающие на ваших врагов?

Горохов, тяжело вздохнув, посмотрел исподлобья на вошедшего в гостиную лакея, проговорил:

– Надо проверить.

Лакей (очень важный) степенно вымолвил:

– Александр Александрович, вас к телефону.

– Иду, – Горохов с готовностью вскочил с кресла.

Азаров, мотнув головой в сторону выхода, потянул Сергея за рукав:

– Нам тоже пора, Алик. Я тебе позвоню.

– Хорошо, будем держать связь. Я должен быть в курсе всего... – Горохов, жалко улыбувшись, кивнул и пошел прочь из гостиной.

Лакей проводил Сергея с Азаровым до дверей квартиры.

Спускаясь по лестнице, Вениамин, посмеиваясь, сказал Бяню:

– Классная у Алика женушка!

– Красивая.

– Пихаться страсть как любит! Я ее лично дважды обрабатывал по-всякому. Ее все лакеи Алика прут, вся охрана, шоферы... Они у нее все в кулаке зажаты. Скажет Алика придушить – придушат, не задумываясь, хотя гуляют на его деньги.

– Почему не откроете ему глаза?

– Дурак я. Она мне дала, чтобы я тоже повязан был. Я вякну, она меня сдаст, скажет – он тоже гадил. Хитрая баба, опасная. Алик – старый дурак. Ее все прут, кроме Алика, а он платит за чужое удовольствие. Счастливый осел.

Сергея ошарашили слова Вениамина. Вот тебе и смазливая дурочка из модельного агентства! А он ведь ей понравился. Сто процентов, что у нее пронеслась мысль насчет Сергея. Было бы неплохо такую штучку попользовать.

Выйдя на улицу, Азаров замер, глядя на свой джип, в котором уже ждали будоломы сопровождения.

– Что будешь делать? – спросил он Сергея.

– Вызову Анисима, пусть наблюдает за квартирой Горохова.

– Зачем?

– Есть мысль. Горохова кто-то сдает. Этот кто-то знает, кто на вас наезжает... Ну, не конкретно, но кому-то он сливает информацию. Через этого человека можно будет протянуть цепочку дальше.

– Торопись, Бяню, время не ждет. Если со мной беда стряется, я к тебе с того света вернусь, чтобы порвать на куски!

В то утро Сергей вызвал Аннуса и повел его в квартиру Горохова уже в отсутствие Азарова. Тот же милиционер с пристрастием допросил, к кому они пришли и кто такие, по домофону доложил о прибывших хозяину квартиры и, лишь получив добро, пропустил внутрь дома. Сергей поощрять сержанта за рвение в службе не стал – и так Азаров за утро дважды по пять сотен кинул; а еще древние японцы утверждали, что «сильно хорошо» – это уже плохо.

Горохов теперь был в тяжелом бархатном халате до пят, расшитом казахскими узорами. Рядом с ним, с важным видом английского джентльмена, стоял лакей. На Сергея он смотрел с презрением, на Анисима вообще не смотрел. Бяню это обстоятельство не задевало – лакеи Горохова получали в пять раз больше, чем сам главный редактор Калашников, не говоря уж о них, журналистской мелюзге. У них были «Тойоты» и «Ауди», квартиры с огромными плазменными экранами домашних кинотеатров, дети на платных факультетах в престижных университетах и молодые курвы-содержанки, победительницы провинциальных конкурсов красоты.

– Снова ты, Сережа, – Горохов обращался к нему уже, как к родному. Аннус его удивил. – Черный с тобой?

– Мой напарник. Познакомьтесь – Анисим. Помогает мне вести расследование.

– Понял. Но он компетентен? – Горохов был в полной растерянности.

– Дилетантов не держим.

– Ясно. Итак, ты что-то забыл у меня спросить?

– Александр Александрович, можно тет-а-тет?

Горохов пожал плечами.

– Изволь, – кивком он отослал лакея.

– Александр Александрович, я хочу поручить Анисиму последить за вашей обслугой, – у Сергея не повернулся язык назвать лакеев прислугой. Вроде меняется только приставка «об» и «при», но как изменяется смысл!

– Ага... Понял... Что ж, хорошо. Ты правильно подметил – кто-то на меня настучал тем прохвостам, что вымогают деньги. Если мы найдем стукача, то выйдем из него имена тех, кому он сдает меня...

– Да. Поэтому, Александр Александрович, необходимо, чтобы Анисим увидел всех, кто служит у вас. Но сделать это надо ненавязчиво, чтобы не вызвать подозрения.

– Сделаем так: он – дизайнер. Я решил поменять интерьер. Заказал самого модного дизайнера. Походим по квартире, пусть смотрит на обитателей, а я буду объяснять, что желаю «поменять и переделать». У меня работают четверо лакеев и шофер.

– Азаров говорил, у вас не один шофер, – Сергей припомнил, что Вениамин говорил про жену Горохова: «ее все лакеи прут, охрана, шоферы». Не шофер, а шоферы.

– Один из лакеев иногда подменяет шофера, когда ему требуется выходной или срочный отгул... Прошу.

Войдя в гостиную, сразу столкнулись лицом к лицу с прекрасной Нелли. Теперь Сергей смотрел на нее по-другому. Она казалась ему доступной, а ее красота была распутной. «Возьми меня!» Но Нелли во все глаза пялилась на Аннуса. На ее лице читалось животное желание отдаться африканцу.

Горохов не заметил ничего предосудительного.

– Как зовут вашего друга? – спросила Нелли у Сергея.

– Анисим. Знакомьтесь.

– Очень приятно, – жена Горохова обнажила в улыбке белоснежные зубы. – Меня зовут Нелли.

– Увидимся. Я буду у ваши дома наблюдать.

– Надеюсь... увидимся.

Нелли ушла, виляя бедрами, словно завлекающая клиента распутница. Горохова поведение жены не смутило. Видимо, мужские силы оставили его, и на флирт благоверной он смотрел сквозь пальцы – была бы рядом, целовала в лысину перед сном, что еще нужно! Он показал на двери, ведущие в бильярдную.

– Пройдемте.

Горохов показывал то одну, то другую шикарно отделанную комнату, говоря, что это ему уже приелось, что он ждет от Анисима новых заграничных идей. Аннус, раззявив рот, обалдевал от всеобъемлющей роскоши, царящей вокруг. Сергею пришлось не один раз толкнуть стажера в печень, чтобы он запоминал физиономии лакеев.

Последним Аннусу показали шофера – эдакого будолома в идеальном костюме. Африканец шофера испугался и, обернувшись к Бянку, пролепетал:

– Я все запомнить, можно идти.

– Отлично. Спасибо, Александр Александрович. Не будем больше отвлекать вас от дел. Мы будем на связи.

Оставив Аннуса дежурить у дома, Сергей на пару часов появился в редакции. От слежки стажера толку не было никакого, но журналист твердо решил делать вид, что старается, а дальше – как бог выведет. Нелепую они с Гороховым легенду про Анисима придумали – то он дизайнер, а то часами будет тереться у подъезда... Начхать! Горохов лично насочинял, пусть сам и думает – умно это или нет.

Между тем в редакции произошел первый за долгие годы инцидент между Фруевым и редактором Калашниковым. А дело было так...

Калашников наливался яростью. Он медленно краснел, глаза лезли из орбит. Эдакий сеньор-помидор. Читал статью Фруева о деревенских мужиках, ищущих правду в столице, и бесился. Фруев уже сто раз пожалел, что зашел так некстати.

Калашников не выдержал.

– Мужики! Ищут правду! Они ищут эту херовую правду уже лет пятьсот, Фруев! Ты подумал, когда брался за такую тему, кому она будет интересна? Твоим мужикам? Они нашу газету не читают! Какая им правда нужна, тем более в столице? Водка бесплатная? Что им нужно, конкретно? Сидел себе в деревне, работал – бах, все бросил, поехал правду искать, – Калашников метнул на Фруева убийственный взгляд. Тот испугано сжался – никогда не видел шефа таким озлобленным. – Правду им подавай! Какую правду?

– Чтобы город не угнетал деревню, – вяло отозвался Фруев. – Чтобы справедливость в жизни была.

– Справедливость! – рявкнул Калашников.

Фруев захотел поскорее покинуть кабинет.

– Справедливости нет! Нету! Нет ни правды, ни справедливости!

Калашников утверждал это искренне. Только вчера он убедился на собственном опыте в отсутствии справедливости. Его любимая жена Зарина, высокая полногрудая татарка, с которой Калашников прожил в мире и согласии двадцать лет, променяла его – сорокалетнего, атлетически сложенного красавца – на толстобрюхого близорукого хилыка, да еще коротышку, почти лилипута. Нет, она не объявила торжественно: «Юра, мы должны расстаться!» – она, как голодная сука, тайно бегала к хахалю трахаться, а после возвращалась домой и нежным голосом ластилась: «Юрочка, пупсик, что тебе приготовить?» Было бы не так обидно, если бы Калашников был импотентом и его не тянуло к жене – нет, он дважды в неделю наставлял ее на путь истинный в супружеской постели, делал по несколько подходов, при этом по ее лицу видел, что дело делалось ладно. А она спуталась с этим пижоном, очкастым, плешивым музыкантишкой... Он же маленький, тот мужичок, до груди ей. Как можно с таким? И лицо уродливое, как у Фруева.

Калашников, зло прищурившись, посмотрел из-за листов со статьей на своего сотрудника. Точно, такая же отвратительная физиономия.

Если бы не старик в квартире напротив жилья коротышки, он бы до сих пор ничего не знал и верил бы в правду и справедливость. А так – их нет. Нету! Старик позвонил и, издевательски посмеиваясь, сообщил про Зарину.

– Хотите лично убедиться, приходите ко мне. Она уже у него, и они не зашторивают окон.

Взволнованный Калашников примчался к старику и в услужливо предоставленный бинокль увидел воочию, как Зарина оголилась и стояла перед мерзким коротышкой – великолепная, с большими бедрами, большими грудями, смуглокожая. Член у музыканта был не маленький, но и не большой – как у Калашникова. Нисколько не лучше. Ха, музыкант! Он играл на виолончели, и у него была маленькая виолончель, потому что он был коротышка! Какая она извращенка, его красавица-жена! Она послушно лежала на животе, пока музыкантик вытворял с ней все, что хотел. Ему она позволяла все, а законному супругу устроила «клубничку» всего дважды за долгую супружескую жизнь, и то с кучей оговорок и ограничений. А коротышке – пожалуйста, без проблем! Калашников видел лицо жены – она орала, она стонала, как шлюха. С мужем лежала с каменным лицом, а тут выделявала финты!

Калашников отбросил от себя листы со статьей. Почему? Да все потому, что не было ни правды, ни счастья! Ничего. А урод Фруев писал о мужиках-правдоискателях – ходят они, всем в рот заглядывают: «Какая она, правда?» Убить мало за такую писанину!

Фруев вышел от редактора ни живой ни мертвый. Отерев пот со лба, выдавил смотревшему на него Бянку:

– Совсем озверел. С чего бы?

- Не знаю, – пожал плечами Сергей, улыбнулся.
- Кстати, он велел зайти к нему твоему стажеру.
- Аннуса нет. Скажи ему, придет не скоро.
- Зайди и скажи ему сам!

Ничего говорить озверевшему Калашникову Сергей не собирался. Он закрыл ноутбук, впихнул его в сумку и ушел из редакции.

Связаться с Аннусом с помощью ай-фона не удалось – негодяй отключил телефон. Сергею пришлось ехать к дому Горохова.

Аннуса у дома не было!

Взбешенный Бяню кинулся в подъезд. Сержант на входе предупреждающе поднял руку.

- Стой! Куда прешь?
- К Гороховым!
- Подожди, я спрошу, можно ли тебя пускать.
- Слушай, негр заходил в дом?
- Я тебе справочное бюро?
- Трудно сказать?

Сержант, набирая на домофоне номер Гороховых, повернулся к Сергею спиной. Журналист был более чем уверен, что Аннус пребывал в апартаментах Алика Горохова, а вот хозяин в квартире, сто процентов, отсутствовал. Сергей толкнул сержанта в спину, и милиционер опрокинулся, грохоча табуреткой и еще чем-то.

– Эй! Эй! Ты что?! – заголосил он, но Бяню уже бежал по лестнице на второй этаж.

Сергей с разбега уперся в запертую дверь квартиры. Только здесь он осознал, что совершил глупость – зачем было опрокидывать сержанта и рваться сюда, если войти внутрь он не сможет.

– Эй, урод, ты где?! – заорал снизу милиционер, уже поднявшийся на ноги, но не решившийся покинуть пост.

Сергей забарабанил в дверь. Раздался щелчок замка, и дверь отворилась. На журналиста смотрел с бесстрастным лицом лакей.

- Мой друг... – начал Бяню.
- Он здесь, проходите. Вас велено впустить.

Сергей вошел в прихожую. Лакей запер дверь и указал рукой в глубь квартиры:

– Идите в гостиную, потом войдете в правую дверь.

Сергей посмотрел на лакея. Тот оставался бесстрастен. Делать нечего. Журналист пошел, куда было указано.

Гробовая тишина. Ни звука.

Он прошел сквозь пустую гостиную, нерешительно замер у двери в другую комнату, прислушался. Затем толкнул дверь.

Он даже не пытался зайти, все было видно и так – это была спальня с большой роскошной кроватью, на которой стояла в позе обнаженная прекрасная Нелли, а сзади, в полнейшей тишине, пронзал ее лоно черный, как смоль, Анисим. Сергей медленно закрыл дверь.

Если об этом узнает Горохов, он убьет их. Нет, не Нелли, а этого глупого африканского болвана и его, Сергея Бяню. Козел Аннус. Теперь журналисту становилось яснее ясного, что вычислить того из прислуги, кто выдал Горохова братве, не удастся – если они рыпнутся, агент братвы сдаст сексуальный подвиг Аннуса Горохову, и Алик разделается с ними. Хотя будет еще проще – скрытый враг не станет ждать каких-то действий со стороны Сергея, он сдаст Горохову их сейчас; может быть, уже рассказывает шефу по телефону, и через пять минут все будет кончено.

Сергей медленно пошел прочь. Не стоило прерывать Аннуса – пусть порадуется перед жуткой смертью.

Лакей все так же стоял у двери. Он молча отпер замок и выпустил журналиста в подъезд.

Сергей медленно сошел по лестнице вниз. Может, тот лакей, что был при дверях, и был человеком братвы? Бяню стало вдруг легко. Жалость пропитала его сознание – он погибнет ни за что, погибнет по глупости. И Аннус тут ни при чем, хоть он и подлец. Виной всему сам Сергей – нечего было лезть в это дело. Помер Мулатов – и бог с ним! Скончался сын поэта Контенко – и ладно! Нет, полез ради шумной статьи, ради мизерной премии и похвалы шефа. А кто такой редактор Калашников? Козлопан. И ради одобрения козлопана он вляпался в дерьмо? Нет, он не глупец. Сергей Бяню – тупой болван. Дурак.

– Урод!

Журналист очнулся от громкого окрика – сержант на входе смотрел сурово, похлопывая резиновой дубинкой по своей ладони. Сергею было не до него. Ударить он не посмеет.

– Сам урод! – буркнул Бяню, выходя на улицу.

– Что ты сказал?

– Стой, где стоишь.

Сергей оказался на улице. Сержант вдогонку рявкнул:

– Ты как разговариваешь с милиционером при исполнении? Да я...

– Перестань гавкать, пес цепной.

Выпустив пар на страже порядка, Сергей задумался. Что можно было предпринять, чтобы нейтрализовать возникшую опасность? На Анисима злиться не хотелось, хотя он и мог додуматься своей курчавой башкой, что не следует безоглядно отдаваться велению похоти. Красивая самка призывно раздвинула ноги, а он и рад стараться. С одной стороны, Аннус спас Сергея, поразив трубой киллера в переулке... Бяню почти ежечасно возвращался в мыслях к тому происшествию. Неужели его заказали? Кто и почему? Он отметал это предположение. Скорее всего, они случайно столкнулись с бандитом, который напакостил и уходил с места происшествия, а они мешались, и он попытался их убить, но Аннус разделался с ним с помощью водопроводной трубы. Он спас жизнь Сергею, но привязанности к нему не возникло. Как она могла возникнуть, если на второй день Анисим оттрахал в редакционном туалете Таисью Нелюдову, красивую блондинку, на которую Бяню пялил глаза третий месяц, не решаясь перевести служебные отношения в личные. Зато Аннус не побрезговал. Сергей пошел в туалет – ключ брать не пришлось, ибо Фруев, ехидно подмигивая, сказал, что ключ от туалета забрал стажер. Сергей толкнул дверь и обомлел – Аннус, всаживая член в счастливую Таисью, повизгивал от удовольствия. Заметив Бяню, он не смутился, но ловко выскользнул из ласкового лона красавицы, развернул ее лицом к себе и, надавив руками на плечи, перевел ее на минет. Сергей обалдел – такого он не ожидал ни от Аннуса, ни от Нелюдовой.

Анисим, подмигивая, спросил:

– Курить есть? Сигарета?

При этом сидящая на корточках Таисья, не прерывая минета, умудрилась улыбнуться Сергею.

Вспомнив этот случай, Бяню заскучал еще больше. Даже яички заломило – до того явно он представил улыбчивую красавицу Таисью. Тогда еще гад Воскутков, этот чертов Кунни, ядовито спросил:

– Что так долго в туалете?

На что Сергей ему ответил:

– Сходите туда, вас там ожидают. Поможете Нелюдовой.

И сейчас Аннус перехватил красавицу Нелли, на которую у Сергея посреди дня встал, дерет девицу в гнетущей тишине, скот безмозглый, – а умрут они вместе. Аннус хоть со смыслом погибнет – красивых баб побабахал в полное удовольствие, оставил капли африканского ДНК в организме распутниц; а он, Серафим, он за что смерть примет? Нет, он глуп, глуп. Глупец.

Сергей взглянул на свои часы. Итак, он поручил Анисиму вести слежку за домом Горохова, надеясь, что в отсутствие хозяина начнутся некие подозрительные перемещения, а стажер элементарно напакостил. Запорол дело. Даже если Горохову представить доказательства (которых не было), что Аннуса с пути истинного сбила госпожа Нелли, а не наоборот, они себя не спасут. Был только один шанс – Азаров говорил, что Нелли всю паялилась с лакеями, и выдавать Аннуса им могло оказаться себе дороже – всплывут факты ужасающего разврата молодой супруги, и Алик Горохов тогда не помилует никого. На этом можно было попытаться сыграть – он не полезет в змеиное гнездо, свитое в квартире Горохова, а они не тронут его. Значит, Анисима он оставит на посту у газетного киоска, пусть ведет наблюдение, но так, чтобы об этом в квартире не знали. Сергей даже сэру Горохову скажет, что передумал вести наблюдение.

– Сережа!

Сияющий от счастья Аннус выбежал из подъезда, распахивая руки. Бяню хотел избежать объятия, но не удалось – стажер налетел ураганом и закружил Сергея. Тот оттолкнул Анисима.

– Идиот! Уйди от меня!

– Зачем ругался? Я так весело!

– Конечно, что тебе переживать – оттрахал жену Горохова.

– Она сам мне дала! Тебя ждаль...

– Ты?

– Зачем я? Он ждаль... Нелли... – Аннус мечтательно закатил глаза.

Сергею захотелось его ударить, но он сдержался.

– Ты как в квартиру к ней попал?

– Я? Тут сидел, у киоск, газету листать. Вышел слуга, позваль... Нелли целоваль меня...

Я счастье...

– Будет тебе счастье, когда ее муж яйца твои вырвет вместе с потрохами.

– Я не куриц, у меня какой яйца?

– У тебя? У тебя яйца черные. Такие круглые штучки, которые между ног болтаются.

Аннус помрачнел.

– Я виноват, да?

– Виноват! Ты сел открыто. Почему не затаился? Сидит у всех на виду – вот он я!

– Ты не говорил тайтсья.

– У самого головы нет? Не мог догадаться?

– Я не догадаться. Я не разведчик. Я журналист. Я писать в газета – ньюспейпа. Репортаж.

– Замолкни, достал ты меня! Нет мне от вас жизни, от идиотов. Ты – здесь, в редакции

– Фруев и Куннилингус, еще Азаров с его страхами... Продолжай следить за домом. Тебя не должны видеть из окон этой квартиры.

Чтобы не впадать в ненужные препирательства, Сергей поспешил прочь, сел в свою «десятку» и поехал. Хоть одно хорошее за эти дни – машину заимел, ай-фон, немножко денег... Убить могут и нищего, а так хоть жизни успеет попробовать.

Благие размышления прервало появление Фруева. Он стоял прямо на повороте и усиленно голосовал, махая вытянутой рукой. Сергею не оставалось ничего, как притормозить. Фруев удивился:

– Ты?!

Бяню подумал, что зря остановился. Сейчас начнутся распросы: чья машина, на какие шиши приобрел? Ничего подобного не хотелось.

Но Фруев, словно его подменили, бесцеремонно плюхнулся в переднее кресло, спросил о другом:

– Ты в редакцию?

– А что?

– Подвези. Горю! Человек меня ждет.

Делать нечего, поехали.

У входа в здание томился в ожидании мужик, эдакий крестьянский сын. Фруев, не сказав «спасибо», выскочил из машины, подбежал к мужику, подхватил его под руку и увлек в вестибюль.

Сергея это заинтриговало. Он заглушил двигатель и пошел в редакцию. Видеть там никого не хотелось, но резвость Фруева давала надежду на нечто неординарное...

* * *

Калашников с подозрением косил взгляд на сидевшего у его стола благообразного мужика. Тот часто покашливал, иногда нервно поглаживая маленькую, аккуратно остриженную бородку. За спиной мужика стоял Фруев. У приоткрытой двери, ухмыляясь, переминался Сергей. Калашников нервно читал писанину Фруева, то и дело молча поглядывая на всех присутствующих.

Фруев, словно желая окончательно взбесить главного редактора, принес на подпись репортаж о необычном человеке из глубинки. Человеком этим, как понял Сергей, и являлся благообразный мужик. Вот в чем дело – Фруев задумал довести редактора до белого каления. Зачем это ему понадобилось, было неясно.

Глаза Калашникова увеличились, и он, гадко улыбаясь, ткнул пальцем в печатный текст.

– Нашел. Я чувствовал, Фруев, что ты приготовил мне очередную пакость.

– Какую пакость, Юрий Палыч? Статья обычная. Интересная тема, – противно загундосил Фруев.

– Имя у твоего чудо-мужика Ипат, а отчество Ардательонович... Ты специально это придумал?

– Вот этот господин, перед вами, в натуральном виде. Его зовут Ипат. Ипат Ардательонович.

– Ты Ипат? – Калашников потемнел, наливаясь злобой. Его взгляд исподлобья стал взглядом убийцы, взглядом быка, заметившего красную тряпку. – Ипат Ардательонович?

– Да, – коротко вымолвил мужик.

– Паспорт!

– С собой не взял.

– Любой документ.

– Нету.

– А-а-а-а. Вы считаете меня дураком. Нет, хуже – идиотом. Иди на...й!

Благообразный мужик ошалело воззрился на вскочившего главного редактора.

– Пошел на...й! – орал Калашников.

Первым среагировал Фруев. Он, оттолкнув Сергея от двери, резво выбежал в общий редакционный зал. Калашников метнулся следом. Он нагнал Фруева у ближнего стола и смачно пнул в мягкий зад. Ускорившись, Фруев унесся прочь.

– Сука, – прошипел Калашников.

Вернувшись в кабинет, он взял статью Фруева и бросил в урну.

– Ты еще здесь? – рыкнул он на мужика.

Тот, нисколько не боясь, встал, снова погладил бородку, сказал:

– Успокойся. Слишком ты нервный. Человек пошутить с тобой хотел.

– Пошел отсюда, я сказал!

Когда мужик ушел, Калашников зло вымолвил:

– Козлы.

– Что вы так злитесь, Юрий Палыч? Фруев всегда дуру гонит. Я видел, у него есть материал, и уже готовый. Не статья, а загляденье. Был бы я завистлив, не удержался бы – украл.

- Убью я этого Фруева.
- Лишиться хорошего журналиста.
- Ладно... разберусь как-нибудь без твоих советов.

Прямо из редакции Бялко позвонил Контенко. Старик долго не брал трубку, и Сергей успел не единожды прогнать в голове примерный план разговора: «Иван Анатольевич, вы должны мне помочь!» – «Чем?» – удивляется старик. «Мне необходимо встретиться с Алиной Маранковой!» – «К чему? Алиночка в трауре и не желает ни о чем говорить с журналистами!» – «В данном случае я не журналист, я – следователь». Сергей хмыкнул. Ага, суперследователь Серафим. Девиз следствия: «Хрен его знает, где искать, бог даст, само проявится!»

– Да, – голос Контенко был бесцветный, тусклый, словно старик отозвался своим коротким «да» сквозь подушку.

- Это Бялко звонит. Здравствуйте, Иван Анатольевич.
- Бялко? А-а, Сережа... Здравствуй. Что-то узнал?
- Пока информации мало. Иван Анатольевич, мне надо бы встретиться с Алиной Маранковой. Помогите, вы ведь имеете с ней контакт.
- Хорошо, – старик не стал кривляться. – Я сейчас созвонюсь с Алиной, минут через пять позвонишь мне; я скажу, примет она тебя или нет.
- Спасибо.
- Не за что. Ты, Сережа, главное, найди негодяев.
- Найду, Иван Анатольевич, – солгал Бялко.

По большому счету, в данную минуту ему было все равно, чем закончится следствие. Деньги от Азарова он получил, частью они потрачены, а частью надежно спрятаны; результаты же расследования опубликовать он не сможет. А смысл своего бытия Сергей видел в написании статей, очерков, фельетонов и в их опубликовании. Если бы дело так не затянулось, а ограничилось, как он предполагал в начале, короткой историей гибели Мулатова и его любовника Контенко-младшего, Бялко накатал бы легко скандальную статью и, пустив ее в тираж, быстро переключился на новые происшествия и новых героев, а этих спокойно позабыл. Но дело не только затянулось – оно растянулось до бесконечности, а длинных (и таких нервных) тем Сергей не любил. Его мозг жаждал нового. Отсюда это томление. Хотя, по правде сказать, томление от другого – он нашел на свою упругую задницу мощное приключение, и вся клюква (как выражался Фруев) ждала его впереди.

А встретиться с вдовой коммерсанта Маранкова Алиной требовалось по двум причинам. Первое – узнать в деталях, как погиб ее супруг, и второе – знает ли молодая вдовица о страшном счете, который уже предъявлен членам шестерки? Сергей помнил скандал, связанный с похищением Алины неизвестными бандитами. Чем тогда дело кончилось, массовой публике не поведали, но сейчас у Сергея проскальзывали подозрения, что похищение, а потом и гибель Маранкова связаны с требованием уплаты лесоресечного долга. Интересно, сняли с Маранкова деньги или нет? Если нет, значит, должны трясти Алину. Да, требовалось как можно скорее обстоятельно поговорить с Маранковой, чтобы начать делать первые выводы.

Сергей нетерпеливо взглянул на редакционные часы, висевшие над входом в большой редакционный зал. Прошло четыре минуты. Рано. Старик велел позвонить через пять минут.

- Бялко продавил кнопки на аппарате – он не немец, чтобы кичиться пунктуальностью.
- Да, – снова голос старика прозвучал, как эхо из глубокого колодца.
 - Это Бялко.
 - Сережа, ты сейчас собрался к Алине?
 - Могу ехать прямо сейчас.
 - Поезжай. Она в своем загородном доме и встретится с тобой.
 - Спасибо, Иван Анатольевич.

Пошли гудки – старик разомкнул сеть. Сергей опустил трубку, оглянулся, встретился взглядом с бесстыжими глазами Нелюдовой. Она улыбнулась, обнажая десны. Потаскуха. Она, видимо, и с Калашниковым себя не сдерживала, и Кунни мог применить к ней свое умение. Оргия Анисима открыла Сергею глаза. Даже с Фруевым, наверное, уединялась в туалете. А теперь ему, дураку, глазки начала строить. Как же! Облезет теперь.

Бяню подмигнул ей, вытащил из ящика стола диктофон и, спрятав его в боковой карман, заспешил на встречу. Двигаясь по коридору, снова начал думать о Нелюдовой. Девка она красивая. В принципе, поблудить с ней было бы неплохо. Что ее держало в газете? Перспектив в их умном журналистском коллективе для нее не было никаких. Пошла бы в модельное агентство – их по городу не одна сотня, у каждого банка свое агентство. Уже сейчас Нелюдова ходила бы в мехах, ездила на джипе, а так – путается с дешевыми чмыганами...

На улице пошел дождь. Сергей подержал руку ладонью вверх, поймал несколько холодных капель. Да, придется в обязательном порядке впихнуть ей «банан», чтобы не отставать от коллектива, а уж потом пусть перебирается в модельное агентство и выходит замуж за банкира.

Ехать в собственной машине, еще почти новой, среди моросящего дождя, разрезая колесами лужи, было очень приятно. Сергей прибыл к дому Алины Маранковой в совершенном умиротворении.

«Десятка» нагло уперлась в железные ворота виллы Маранковых и разразилась заливиистой трелью сигнала. Из боковой двери показался жующий охранник. Он был в элегантном костюме, но пиджак накинут на плечи как попало, кобура с пистолетом торчит из-под мышки напоказ. Сергей подумал – будь на его месте злодей, он бы нейтрализовал этого горе-охранника в долю секунды. Он бы не набивал гору мышц амбала свинцовыми пилюлями, достаточно наставить на него пистолет, и охранник не смог бы оказать сопротивления – оружие висело неудобно, а накинутый пиджак на плечах сковывал движения.

– Журналист? – спросил охранник, продолжая жевать. Дождь нисколько его не беспокоил.

Сергей и здесь обнаружил ошибку – задает вопрос с очевидным ответом. Любой злоумышленник поймет – ждут журналиста – и скажет: «Запускай, я журналист!» А потом устроит резню и первым порвет этого дурака. Надо ведь спрашивать: «Кто такой? Чего приехал? Чего шумишь?» Сергей хмыкнул. По каким критериям Алина подобрала себе охрану? Явно, не по мозговой насыщенности. Ну, мышцы – это понятно, но ведь для мышц в таком деле и ум требуется. А может, вдовица окружила себя способными мужиками в другом деле – ну, в том самом, от которого неутешные вдовы становятся веселыми?

– Да, я журналист. Сергей Бяню. Меня должны принять.

– Ага. Велено тебя впустить.

– Открывай ворота.

– Обойдешься. Здесь колымагу свою брось, и пешочком в дом.

Охранник ушел, оставив дверь отворенной. Сергей хмыкнул – какой крутой мужик, почти новую «десятку» обзывает колымагой. У самого, что, «Мерседес» в гараже стоит? Сомнительно. Или он крутой из-за того, что хозяйскую иномарку моет, когда прикажут? Бяню зло усмехнулся, вынул ключ из замка зажигания. Замкнув машину, вошел в ограду виллы, закрыл дверь за собой.

Охранник, продолжая жевать, показал на коттедж.

– Туда.

На дворе действительно стоял роскошный «Мерседес» последней модели. Сергей бросил взгляд на охранника – здоровый. Да, верзила задавался, но не потому, что ежедневно мыл теплой водой и специальными автошампунями суперавто, а потому, что ежедневно вдвух хозяйке этого «Мерседеса».

– Обожди, – вдруг спохватился охранник. – Дай-ка, я тебя обшарю. Мало ли.

Сергей позволил себя пощупать. Оружия у него не оказалось, и охранник совершенно охладил к нему.

– Иди в дом, Алина в каминном зале.

– Я там не заблужусь?

– На входе Василий дежурит, он тебя проводит.

Журналист пошел по мощенной розовым камнем дорожке к коттеджу. Значит, в доме находился специальный охранник. Один – на воротах, другой – в самом доме.

Поднявшись по ступеням на крыльцо, Сергей вошел в прихожую. Огромный, даже перекачанный, Василий, с бычьей шеей, коротко стриженный, с презрением взглянул на него с высоты своего роста. Маленькие злые глазки замутнели, пытаясь вызвать в Сергее животный страх. Бянюк непроизвольно поежился. Встретишь такого вурдалака в парке вечером, не захочешь – описаться.

– Чего? – рыкнул Василий.

– Алина где?

– Пойдем.

Василий ухватил ручищей Сергея за плечо и, пихнув вперед себя, повел внутрь дома. Сначала был коридор. Журналист замешкался перед лестницей, ведущей на второй этаж. Будолом Василий невежливым толчком в спину подсказал направление – прямо, а не вверх. Раздражаясь, Сергей вдруг подумал, а почему бы Алине было самой не угробить законного супруга – Маранков ей большой воли не давал (все богатые мужья держат жен в черном теле, а сами бьются в обществе многочисленных любовниц и красивых шлюх); теперь же Алина полная хозяйка и, ничего не страшась, могла предаваться оргиям с этими монстрами.

Войдя в каминный зал, Сергей невольно обомлел. Алина была прекрасна. Она сидела в кресле, безукоризненно одетая, шея и руки в золоте, кожа матово отливала неестественным загаром после солярия. Она не выглядела безутешной от потери супруга – звероподобные самцы были прекрасной заменой.

Сергей искоса взглянул на Василия. Тот ткнул в него пальцем, коротко доложил:

– Журналист.

– Спасибо, Вася. Оставь нас.

Алина указала на кресло по другую сторону журнального столика.

– Присаживайтесь.

Бянюк покорно сел, потом неуверенно пожал плечами:

– Здравствуйте. Я вошел и не поздоровался.

– Здравствуйте, – Алина рассмеялась.

На столике стояла бронзовая пепельница, рядом лежала распечатанная пачка сигарет и блестящая сталью зажигалка. Алина потянулась к столику и взяла сигареты.

– Вы такой застенчивый. Разве журналисты застенчивы?

– Вот такой.

– Будете курить?

– Нет, спасибо.

– Я тоже не курю. Вредная привычка. И охранникам не разрешаю.

– Им нельзя – они спортсмены. Главное – хорошая физическая подготовка.

– Мне их подготовка безразлична. Они – профессионалы. Просто, если они будут курить, мне волей-неволей придется глотать дым, а пассивное курение опаснее обычного.

– Для кого же сигареты на столе?

– Для гостей. Думала, вы будете курить.

– Охранникам нельзя вас травить дымом, а мне, значит, можно?

Алина бросила пачку на столик, соблазнительно закинула ногу на ногу и рассмеялась в нос. Очень соблазнительно рассмеялась.

– Вы гость, они – обслуживающий персонал.

«Ага, очень даже ясно, как они обслуживают», – мелькнуло в голове Сергея.

Алина потемнела – видимо, эмоции отразились на его лице.

– Не смейте думать обо мне гадко. Охранники остались мне от мужа. Я его боготворила, моего Бориса.

Сергей успел вспомнить рекламный ролик, где раздетые культуристы светили мускулами. Не укладывалось в голове, что прекрасная Алина строго держит себя по отношению к охране. Эти гераклы сведут любую женскую особь с ума своим ростом, мощью, мускулатурой.

– Я же просила – не смейте думать обо мне гадко. Я верна памяти Бориса. Он сделал для меня очень много... Главного сделать не успел.

– Чего же?

– Ребенка.

Сергей сделал движение бровями. Алина отвернулась и с минуту смотрела в окно, заставленное разлапистыми цветами в глиняных горшках. Чтобы не затягивать паузу, Бяню спросил:

– Значит, вы любили мужа?

– Естественно, – Алина повернула голову к гостю. – Я не та женщина, которая может отдаться мужчине без любви. Деньги в наших отношениях не играли никакой роли. Я с ним познакомилась на улице и совершенно не знала, что он обеспеченный человек. Просто он мне понравился. Он меня очаровал...

Душещипательную историю знакомства и последующего протекания страсти Сергею слушать не хотелось, но он смотрел Алине в рот и кивал, выражая заинтересованность. Такова профессия журналиста – принять информацию у источника в полном объеме, переработать, отсеять лишнее и подать публике в сжатом, лаконичном варианте.

Например: крестьянин Припонов, работавший у фермера Кобылкова скотником, заступился за честь своей супруги-доярки, когда пьяный хозяин пытался воспользоваться ею как женщиной. Фермер крестьянина уволил. А другой работы в разложившемся селе не имелось. Выдался неурожай на картофель из-за проливных дождей, вследствие чего запасов пищи на черный день у селян было в обрез.

После трехдневного запоя крестьянин Припонов, поглядев на заплаканную жену (тоже уволенную с фермы) и детей, ночью забрался в продуктовый магазин того же фермера Кобылкова (бывшего главы администрации села) и похитил ящик тушенки и десять килограммов муки. Всезнающий участковый Елкин, эдакий Анискин нового времени, выявил злоумышленника к концу дня. Суд присудил горе-разбойнику пять лет колонии общего режима. А жена все равно отдалась фермеру, так как деваться ей было некуда и детей кормить чем-то надо.

Только журналист, такой как Сергей Бяню, всю эту лабуду опустит. Он выдаст публике самое важное: «Дерзкое ограбление в Клинском районе Тверской области. Слаженные действия правоохранительных органов накрыли банду в тот же день. Нанесен еще один весомый удар по организованной преступности. Голосуйте на выборах за партийный список такой-то партии». И все довольны. Партия, заказавшая статью, выигрывает выборы, журналист, получивший за правильную обработку информации подержанную иномарку, гордо раскатывает по областному центру и дерзит главному редактору; фермер пользуется между дойками супругу осужденного крестьянина, зоновские паханы наслаждаются свежей задницей, а публике, читающей областную газету, есть о чем поговорить за вечерним чаем. Отсюда вывод – средства массовой информации есть великая сила, а слуги СМИ – журналисты – по важности своей не уступят жрецам древнего мира, которые утверждали: «Как захотим, так и будет!»

Все это Сергей успел подумать за ноль целых восемь сотых секунды. Лицо его ничуть не изменилось. Он ждал от Алины новых откровений. Маранкова, однако, продолжать воспоминания не стала, она начала разглядывать свои наращенные акриловые ногти. Сергей понял, что прелюдия к основному разговору завершена и можно приступать к расспросам.

– Простите, я не знаю вашего отчества.

– Алина Витальевна.

– Алина Витальевна, вы в курсе, что я расследую не только гибель вашего мужа, но и его друзей – всех тех, кто выехал в свое время из Лесорецка?

– Вы расследуете не гибель мужа, а совсем другое... вы ищете тех, кто трясет их...

Сергей затаил дыхание – скажет Алина о наезде неведомой братвы на мужа или уведет разговор в другое русло?

– Эти люди, – Алина повела рукой, давая понять, что она говорит об ограбленных много лет назад бандитах, – они, по-своему, правы. Их ограбили, вроде кого-то убили – курьеров, кажется... Что вы так смотрите на меня? Я не боюсь говорить правду. Чем она мне грозит? Эта правда была опасна моему мужу – он убит... Их ведь скоро всех перебьют – Азарова, Горохова... и вы им ничем не поможете. Скажу вам прямо – если не отступитесь, вы тоже погибнете, как многие другие мелкие сошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.